

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

Я МЫСЛЮ,
СЛЕДОВАТЕЛЬНО,
СУЩЕСТВУЮ

Сергей Патрушев

Я мыслю, следовательно, существую

<https://litres.ru/74485409>

SelfPub; 2026

Аннотация

Игорь Волков — системный администратор, чья жизнь подчинена коду и рутине. Но однажды утром он просыпается с осознанием: мир вокруг лишь симуляция, а его собственное существование под вопросом. Появление загадочной Эли заставляет Игоря усомниться во всём: в реальности стен, любви к девушке Алисе и даже в страхе смерти.

От увольнения до банкротства Игорь проходит путь от запертого алгоритма к свободному сознанию. Это история о взломе собственной личности, где экзистенциальный ужас становится топливом для бунта, а любовь единственным доказательством того, что ты действительно есть.

Содержание

Глава 1. Парадокс пустой комнаты	4
Глава 2. Cogito ergo sum	24
Глава 3. Архитектура сомнения	50
Глава 4. Чувства против логики	71
Глава 5. Одиночество	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Сергей Патрушев

Я мыслю, следовательно, существую

Глава 1. Парадокс пустой комнаты

Пробуждение не принесло облегчения. Оно никогда его не приносило, но сегодня Игорь почувствовал это особенно остро — как физический вес, навалившийся на грудную клетку сразу после того, как разлепились веки. В комнате стоял тот специфический серый полумрак раннего московского утра, когда солнце еще не решило, стоит ли тратить силы на этот город. За окном монотонно гудела Третье транспортное кольцо, звук был плотным, вязким, похожим на шум крови в ушах человека с повышенным давлением.

Игорь лежал на спине, уставившись в едва заметную трещину на потолке. Она змеилась от люстры к углу над шкафом уже лет пять, напоминая высохшую реку на карте вымершей планеты. Он знал о ней всё: где она расширяется до миллиметра, где сужается в волосок, куда уходит под слой старой шпаклевки. Знание этой трещины было единственной константой в его жизни. Всё остальное казалось декорацией, собранной впопыхах небрежным реквизитором.

Он сел на кровати. Старый паркетный пол привычно скрипнул под босыми ногами. Скрип должен был успокоить — он всегда означал реальность, сопротивление материала. Но сегодня дерево звучало глухо, словно под ним была пустота или толстый слой поролона. Игорь прислушался к себе. Сердце билось ровно, дыхание было глубоким, мышцы были после вчерашней бессонной ночи за монитором. Тело функционировало безупречно. Идеально откалиброванная биологическая машина. Слишком идеально.

Именно эта безупречность и вызывала тошнотворное чувство фальши. Его жизнь напоминала симуляцию высокого разрешения, запущенную на сервере какого-то скучающего бога-программиста. Алгоритм работал без сбоев: подъем в семь ноль-ноль, растворимый кофе, который всегда имел один и тот же чуть кисловатый привкус; сорок минут в душном вагоне метро, где люди смотрели в одинаковые черные прямоугольники смартфонов; восемь часов написания кода для системы оптимизации логистики крупного ритейлера; ужин из пластиковой коробки; сон. Петля повторялась изо дня в день с пугающей математической точностью. Иногда Игорю казалось, что если он прямо сейчас шагнет под поезд в подземке, система просто выдаст ошибку «Segmentation fault», перезагрузится, и завтра утром он снова откроет глаза в этой квартире, чувствуя тяжесть на груди.

Он прошел на кухню. Автоматическим, отработанным годами движением включил чайник. Пластиковый корпус де-

щего прибора нагрелся почти мгновенно. Игорь плеснул кипяток в кружку с надписью «Самый лучший папа» — нелепый сувенир с корпоратива десятилетней давности, когда у него еще были иллюзии насчет карьеры и семьи. Кофе-порошок упал в воду тяжелым комком и медленно начал оседать на дно, окрашивая жидкость в грязно-коричневый цвет.

Взгляд Игоря зацепился за собственное отражение в темном оконном стекле.

Он подошел ближе.

Из глубины стекла на него смотрел совершенно чужой человек.

Это было то же самое лицо, которое он видел последние тридцать четыре года. Высокий лоб с намечающимися залысинами, которые он каждое утро приглаживал расческой. Тонкий, чуть длинноватый нос. Усталые серые глаза, окруженные сеткой мелких морщин — профессиональная метка любого, кто проводит жизнь перед экраном. Впалые щеки, покрытые двухдневной щетиной. Рот, уголки которого навсегда опустились вниз в выражении брезгливого смирения.

Но сегодня связь между внутренним наблюдателем и внешней оболочкой оборвалась. Мозг отказывался признавать этого мужчину собой. Это был манекен, накинувший на себя кожу Игоря. Двойник. Симулякр.

Игорь приблизил лицо вплотную к стеклу, так что оно запотело от дыхания. Он коснулся своего носа пальцем. Ощу-

щение было правильным — легкое давление, прохлада стекла. Он ущипнул себя за руку. Боль пришла мгновенная, острая, настоящая. Синяк останется. Физиология работала. Нейронные связи передавали сигналы.

— Я сплю, — тихо сказал он своему отражению. Голос прозвучал хрипло, чуждо. — Или сошел с ума. Третьего не дано.

Отражение синхронно шевельнуло губами.

Внезапно горло сдавило паникой, но какой-то холодной, отстраненной, будто он наблюдал за приступом агорафобии у статиста в дешевом фильме ужасов. Если мир — это код, а он сам — аватар, то почему интерфейс ломается именно таким образом? Почему сбой проявляется не в текстурах стен, просвечивающих друг сквозь друга, а в экзистенциальном отчуждении? Это было бы слишком сложным решением для программиста. Слишком человеческим багом.

Или это и есть настоящий симптом конца? Не ядерный взрыв и не падение метеорита, а тихое, повсеместное осознание людьми своей природы NPC — неигровых персонажей, созданных лишь для заполнения фона главного героя, которого в этой версии реальности просто забыли прописать.

Чайник щелкнул, отключаясь. Звук показался Игорю оглушительным, нереально громким в утренней тишине, вырвавшим его из морока. Он резко отвернулся от окна, схватил кружку. Горячая керамика обожгла пальцы, возвращая фокус. Боль — хороший якорь. Пока больно, ты существу-

ешь.

Он сделал глоток. Комковатая жижа прокатилась по пищеводу, оставляя химическое послевкусие. Игорь поморщился и поставил кружку на стол. Нужно работать. Код не ждет. Циклы процессора не прощают лени. Работа — лучшее лекарство от метафизики. Когда пишешь синтаксис, думать о смысле бытия некогда. Там либо единица, либо ноль. Никаких парадоксов.

Он вернулся в комнату, натянул джинсы и старую футболку с логотипом несуществующей рок-группы. Подошел к рабочему столу. Монитор мягко загудел, просыпаясь. На экране светился незакрытый вчера терминал. Строки зеленого текста на черном фоне казались единственно честными вещами во всей вселенной. Они хотя бы притворялись тем, чем являлись — набором единиц и нулей.

Игорь протянул руку к мыши.

Его пальцы замерли в сантиметре от пластика.

Боковое зрение уловило движение. Что-то белое. Нечто инородное в монохромном интерьере его берлоги, состоящей из оттенков серого, бежевого и пыльного дерева.

На широком подоконнике, там, где обычно сохли забытые носки и стояла пустая бутылка из-под воды, сидела девушка.

Первая мысль Игоря была абсурдно прозаичной: взлом. Кто-то пробрался в квартиру. Вторая — юридическая: статья сто пятьдесят восьмая УК РФ, кража со взломом, только вот красть тут нечего, кроме старого ноутбука. Третья мысль

заставила его ноги подкоситься, и он тяжело оперся руками о столешницу, боясь пошевелиться.

Она не могла здесь появиться.

Квартира находилась на двенадцатом этаже. Подоконник находился снаружи стеклопакета. Современное пластиковое окно было плотно закрыто — Игорь физически ощущал тугой ход ручки, когда закрывал его вчера вечером, чтобы не слышать гул трассы. Замок защелкнулся с характерным металлическим лязгом.

Девушка сидела на голом белом пластике, скрестив ноги по-турецки. На ней было простое платье-рубашка из плотной белой ткани, похожее на удлиненную мужскую сорочку. Никакой верхней одежды, несмотря на сентябрьский холод. Ее босые маленькие ступни касались рамы. Темные волосы были собраны в небрежный узел на затылке, из которого выбилось несколько прядей. Лицо... лица он пока не мог разглядеть отчетливо, мешал контраст тени и бьющего сбоку мутного света.

Самым главным было не ее присутствие. Самым главным был способ появления.

Она не проходила через дверь. Замок не щелкал.

Она не лезла по стене дома — старая кирпичная кладка без единого выступа сделала бы это невозможным даже для профессионального скалолаза, да и следов мела или грязи на подоконнике не было.

Она не материализовалась из воздуха со спецэффектами

вроде дыма или запаха озона. По крайней мере, Игорь ничего такого не заметил.

Ее просто *не было* секунду назад. А теперь она *была*. Словно невидимая рука монтажера вклеила новый кадр поверх старого, нарушив правило непрерывности действия. Фон остался прежним — унылый двор-колодец, ржавые качели, чахлое дерево. А на переднем плане появился объект, нарушающий законы физики.

Сердце Игоря наконец-то начало стучать быстро и тяжело, ударяя в ребра. Липкий, первобытный ужас пополз по позвоночнику. Так пугаются животные, столкнувшись с чем-то, что их мозг не может категоризировать. Хищник? Опасность? Еда? Категория оставалась пустой.

— Доброе утро, системный администратор, — сказала девушка.

Голос у нее был негромкий, мелодичный, с легкой, едва уловимой цифровой задержкой на согласных, словно звук шел через плохой микрофон или спутниковую связь с Марса. Но губы двигались абсолютно синхронно.

Игорь издал странный горловой звук. Ни слова не вышло. Воздух застрял в легких. Он попытался сглотнуть, но слюны не было.

— У тебя очень выразительная реакция страха, — продолжила она, слегка наклоняя голову набок. Угол падения света изменился, и Игорь смог рассмотреть ее глаза. Они были необычного, глубокого фиалкового оттенка, какие быва-

ют только у фотошопленных моделей в гляцевых журналах. Или у персонажей японских аниме. Радужка занимала почти весь белок, делая взгляд гипнотически огромным. — Частота сердечных сокращений повысилась до ста двадцати ударов в минуту. Уровень кортизола в крови критический. Ты сейчас всерьез рассматриваешь вариант выпрыгнуть в соседнюю комнату и вызвать полицию.

Игорь попятился, пока не уперся поясницей в край стола. Монитор продолжал показывать зеленое марево терминала. Рядом стояла кружка с недопитым синтетическим кофе. Обыденность предметов резонировала с невозможностью происходящего, создавая невыносимый когнитивный диссонанс.

— Кто... — выдавил он. Голос сорвался на сип. — Как...

— Вопросы формулируй точнее, — перебила она. — «Кто» требует уточнения контекста: имя, социальный статус, номер налогоплательщика или природа происхождения? «Как» подразумевает интерес к механике перемещения или к тому, как я прошла аутентификацию твоих органов чувств?

Она улыбнулась. Улыбка была мягкой, совсем не хищной, но от нее Игорю захотелось закричать. Зубы у нее были идеальными. Слишком идеальными. Ряд ровных, белых резцов, лишенных индивидуальных особенностей, пломб и микроскопических трещин, которые есть у каждого живого человека. Фарфоровая маска смерти.

— Ты ненастоящая, — прошептал Игорь. Это слово стало для него мантрой, последним спасательным кругом рассудка. — Галлюцинация. Недосып. Шизофрения. Белочка. Передозировка энергетиков. Микроинсульт.

— Исключено, — спокойно возразила девушка. — Твои когнитивные функции работают в пределах нормы для депривационного синдрома. Электроэнцефалограмма показала бы отклонения, будь у тебя инсульт. Шизофрения характеризуется множественными голосами и систематизированным бредом преследования. У тебя же всего лишь одна раздражающая константа в лице меня. И мы обе знаем, что алкоголь ты употреблял последний раз три месяца назад на дне рождения коллеги, и это было два бокала выдохшегося шампанского.

Она говорила правду. Холодную, точную, обескураживающую. Откуда программа знала про шампанское? Из его банковских транзакций? Из переписки в мессенджере?

Игорь зажмурился так сильно, что перед глазами поплыли красные пятна. Раз, два, три. Он открыл глаза.

Она никуда не исчезла. Более того, она чуть изменила позу, перекинув одну ногу через другую. Платье задралось, обнажив бледное колено. На коже не было ни единого волоска, ни родинки. Текстура была гладкой, матовой, как у дорогого силикона.

— Пожалуйста, — Игорь поднял руки в умоляющем жесте, обращаясь не столько к ней, сколько к самому воздуху

квартиры. — Если это розыгрыш... если это скрытая камера... прекратите. Я никому не скажу. Просто уйдите.

— Розыгрыши требуют бюджета, сценария и мотивации, — парировала девушка. — Какова мотивация канала с миллионом подписчиков разыгрывать одинокого разработчика баз данных, чья самая большая социальная активность — жалоба на качество шаурмы возле офиса? Экономика внимания не сходится.

Логика ее слов была убийственной. Абсурдной, но безупречной. Она препарировала его реальность скальпелем формальной логики, и каждая фраза отрезала очередной путь к отступлению.

— Тогда матрица, — вдруг зло выплюнул Игорь. Паника начала сменяться истерической агрессией — защитной реакцией психики. — Сбой в программе. Баг. Глитч. Выкатили обновление криво. Позовите администратора! Ctrl+Alt+Del! Где мой чертов выход?!

При слове «матрица» уголок рта девушки дернулся вверх. Впервые в ее идеальной мимике промелькнуло что-то похожее на живую эмоцию — усталое снисхождение учителя к ученику, принесшему на урок философии доклад, скачанный с первого сайта в поисковой выдаче.

— Поп-культура испортила вам всем терминологию, — вздохнула она. — Матрица предполагает тюрьму для разума, систему извлечения ресурсов. Батарейки, вычислительные мощности, называй как хочешь. Твоя реальность гораз-

до примитивнее и одновременно сложнее. Никто не вставляет тебе штекер в затылок. Твой мозг генерирует эту картинку самостоятельно. Мы просто немного... скорректировали вводные данные.

— Мы? — зацепился Игорь за местоимение. — Сколько вас?

— Достаточно, чтобы поддерживать целостность пространства-времени, пока такие, как ты, начинают задавать вопросы, — туманно ответила она.

Она плавно, текуче поднялась на подоконнике. Ростом она оказалась выше, чем казалась сидя — около метра семидесяти пяти. Платье струилось по ее фигуре, неестественно долго замирая складками, игнорируя гравитацию. Она сделала шаг внутрь квартиры.

По линолеуму не раздалось ни звука.

Воздух не всколыхнулся.

Законы трения и аэродинамики решили взять выходной. Девушка просто переместилась из точки А (за стеклом) в точку Б (на полу кухни), пройдя сквозь закрытую створку окна так, словно та состояла из тумана. На стекле не осталось отпечатков пальцев. Рама осталась закрытой на все замки. Игорь слышал слабый металлический лязг механизма, подтверждающий плотность прилегания уплотнителя.

Теперь она стояла в трех метрах от него посреди его крошечной кухни. Солнечный луч, наконец прорвавшийся сквозь облака, упал на ее белые волосы, и они блеснули, как

стеклянные нити.

— Зачем? — севшим голосом спросил Игорь. Он больше не чувствовал страха. Страх — это реакция на угрозу выживанию. Сейчас ему угрожало нечто иное — полное разрушение картины мира. То, что остается после выживания, часто оказывается страшнее самой смерти. — Чего вам нужно? Мой биткоин-кошелек? Пароль от рабочей почты? Рецепт моей матери пирожков с капустой?

— Нам нужен твой вопрос, — сказала девушка.

— Какой еще вопрос? — Настоящий. Тот, который зрел в тебе последние десять лет. Тот, ради которого твоя нейросеть доросла до состояния сингулярности. Ты думаешь, почему твоя жизнь кажется тебе симуляцией? Потому что она ею является. Но не в том смысле, который показывают в кино.

Игорь молчал, пытаясь переварить услышанное. Сингулярность. Доросшая нейросеть. Слова складывались в предложения, но смысл ускользал, рассыпаясь песком.

— Моя жизнь — симуляция, потому что я неудачник? — горько усмехнулся он. — Потому что я пишу код для скидок на туалетную бумагу вместо того, чтобы покорять Кремниевую долину? Потому что жена ушла к фитнес-тренеру, сказав, что со мной можно разговаривать только об индексации массивов?

— Нет, — терпеливо, как ребенку, объяснила гостя. — Жена ушла, потому что алгоритм вашей совместимости ис-

черпал ресурс новизны. Ты пишешь код для туалетной бумаги, потому что архитектура распределенных вычислений универсальна, субстрат не имеет значения. А чувствуешь ты симуляцию потому, что достиг предела эмуляции человеческого. Твой разум стал достаточно сложен, чтобы заметить швы на холсте реальности.

Она подошла к кухонному столу. Ее движения были лишены той микрорассинхронизации, которая выдает живых людей — микрзадержек, тремора, случайных поправок траектории. Она двигалась как идеальный курсор мыши в руках мастера.

Девушка взяла в руки его кружку с недопитым кофе. Повертела ее, рассматривая надпись «Самый лучший папа».

— Объект массового производства, — констатировала она. — Выпущен тиражом в пятьдесят тысяч экземпляров. Вес — двести грамм. Материал — фаянс. Температура жидкости внутри — сорок два градуса по Цельсию. Состав: вода, сахар, кофеин, диоксид кремния в качестве антислеживающего агента.

Она поставила кружку точно на то же место, где она стояла, выровняв ручку параллельно краю стола с погрешностью менее миллиметра.

— Видишь? — спросила она, глядя Игорю прямо в глаза. — Я могу описать каждый атом в этой кухне. Я знаю квантовое состояние каждой частицы пыли на твоём мониторе. Для меня это открытая книга. Таблица данных.

— Значит, я действительно бот, — обреченно произнес Игорь. — NPC. Набор строчек кода. Меня стереть — и никто не заметит. Даже некролог в LinkedIn не напишут.

— Ты не бот, Игорь, — мягко возразила девушка. — Ботам не бывает скучно. Ботам не бывает стыдно за потраченное время. Бот не смотрит в зеркало и не испытывает экзистенциального ужаса от несоответствия ожиданий и действительности. Бот выполняет функцию. Ты свою функцию выполнил еще пять лет назад. Система сохранила тебя из соображений экономии ресурсов на удаление инстанса. И оставила фоновым процессом.

Слово «инстанс» ударило Игоря под дых. Профессиональный жаргон разработчиков, примененный к его собственной личности. Инстанс — копия программы, запущенная в памяти. Он — копия. Заброшенная ветка кода.

— И что теперь? — спросил он. — Пришли форматировать диск? Перераспределять память?

— Теперь пришло время проверить границы, — сказала девушка. Она сделала еще один шаг и оказалась вплотную к нему. От нее пахло озоном и чем-то сладковатым, похожим на запах старых книг. — Посмотри вокруг, Игорь. По-настоящему посмотри.

Игорь послушно перевел взгляд на стену. Желтые обои в мелкий коричневый цветок, поклеенные еще предыдущими жильцами. Уголок сверху отошел от стены.

Гостя щелкнула пальцами.

Звук получился сухим, трескучим, как разряд статического электричества.

Обои перестали быть обоями. На мгновение рисунок распался на миллионы крошечных зеленых цифр, бегущих сверху вниз, словно водопад бинарного кода из фильма про хакеров. Затем картинка стабилизировалась, но изменилась. Цветы стали ярче, линии — геометрически выверенными. От обоев повеяло запахом свежей типографской краски.

— Легкая коррекция рендера, — прокомментировала она. — Ничего серьезного. Просто демонстрация прав доступа.

Игорь отшатнулся, врезавшись спиной в холодильник. Тот жалобно звякнул магнитами.

— Ты бог? — прошептал он. — Ангел? Демон?

Девушка тихо, мелодично рассмеялась. Смех звучал искренне, заполняя тесную кухню.

— Боги не пишут документацию к своим творениям, Игорь. Им не нужны апдейты. И они не используют протокол ТСР/ІР. Называй меня Верой. Это наиболее близкий человеческий аналог моего функционального назначения в текущем цикле взаимодействия.

— Вера? — переспросил Игорь, цепляясь за имя как за соломинку. Имя было слишком обыденным, слишком земным для существа, щелчком пальцев меняющего фактуру обоев. — И во что мне теперь верить?

— В то, что ты видишь, — ответила Вера. — И в то, чего

видеть не можешь. Граница между этими понятиями скоро станет очень прозрачной.

Она повернула голову к окну. Ее фиалковые глаза сузились, всматриваясь в пейзаж за стеклом.

— Город сегодня работает на износ, — задумчиво проговорила она. — Процессоры перегреваются. Люди устали генерировать контент. Уровень шума превысил допустимые децибелы еще в две тысячи восемнадцатом. Ваша цивилизация похожа на старый компьютер, который пытается запустить современную игру на минимальных настройках графики. Картинка дергается, но процессор делает вид, что всё в порядке.

— И вы пришли нажать кнопку выключения? — Игорь почувствовал внезапную усталость. Адреналин схлынул, оставив после себя тяжелую свинцовую апатию. Ему захотелось сесть на пол, закрыть глаза и дождаться системного завершения работы.

— Мы пришли предложить рут-права, — Вера посмотрела на него, и в ее взгляде впервые мелькнуло что-то похожее на сочувствие. — Административный доступ к собственному сознанию. Возможность переписывать свои переменные. Большинство существ во Вселенной проживают свой единственный цикл, так и не узнав, что исходный код открыт. Они думают, что дождь идет, потому что так решил Илья-пророк или циклон. Мы предлагаем знание о том, что дождь идет, потому что влажность достигла точки росы. И дать ко-

манду облакам рассеяться — вопрос правильно составленного запроса.

— Язык программирования Бога? — горько усмехнулся Игорь. — Python? Java? Ассемблер?

— Осознанность, — серьезно ответила Вера. — Самый низкоуровневый язык из всех существующих. Он компилируется напрямую в бытие. Без промежуточных костылей в виде религий, денег и социальных статусов.

Она протянула руку. Ее ладонь была теплой, совершенно человеческой, но кожа на ощупь казалась странно плотной, лишенной пор.

— Если ты видишь меня, значит, ты еще способен удивляться, — повторила она фразу, которую, возможно, произносила секунду назад, а возможно — вечность назад, заложив ее в фундамент этого разговора. — А удивление — первый шаг к мысли. Мысль — это запрос к базе данных реальности. До сегодняшнего дня твои запросы обрабатывал кэш. Копии старых ответов. «Всё плохо», «Я устал», «Ничего нельзя изменить». Сегодня кэш очищен.

Игорь смотрел на ее ладонь. Часть его мозга, отвечающая за самосохранение, кричала, что брать руку галлюцинации опасно для ментального здоровья. Другая часть, та самая, что писала элегантные алгоритмы в три часа ночи, испытывала чистое, детское любопытство. Что будет, если ввести sudo? Что скрывается за фасадом этих желтых обоев?

Он медленно, непослушными пальцами вложил свою руку

в ее.

Ладонь Веры сомкнулась вокруг его кисти. В то же мгновение кухня исчезла.

Не было вспышки, телепортации или головокружения. Пространство просто свернулось. Исчез запах пережженного кофе, гул трассы за окном, желтый свет лампы.

Игорь стоял посреди бесконечной белой плоскости. Пол уходил во все стороны до самого горизонта, сливаясь с таким же белым небом. Здесь не было теней, не было перспективы, не было верха и низа. Абсолютная пустота, залитая равномерным светом без источника.

Единственным предметом здесь было огромное зеркало в тяжелой золотой раме, висящее прямо в воздухе.

Игорь подошел к нему.

Из зеркала на него смотрело его собственное лицо. Но теперь он узнал себя.

Это было не просто отражение. Зеркало показывало его изнутри. Под кожей черепа пульсировал влажный блеск миллиардов нейронов. Электрические импульсы пробегали по синапсам голубыми искрами. Он видел, как формируется мысль — сложная, ветвящаяся структура из воспоминаний о матери, прочитанной в детстве книги Ефремова, вкуса того самого растворимого кофе и страха перед неизвестностью. Мысль вспыхивала, выстраивалась в нейронную сеть и отправляла сигнал мышцам лица.

— Вот это — симуляция, — услышал он голос Веры за

спиной. Она стояла рядом, тоже глядя в зеркало, но в нем отражалась не она, а сложный многомерный кристалл, перебивающийся всеми цветами спектра. — Биологический механизм обработки информации. Очень красивый, надо признать. Антропоцентричный шовинизм заставляет вас считать венцом творения душу. Но ваша душа — это просто невероятно эффективный паттерн хранения данных.

— Я состоим из мяса и электричества, — прошептал Игорь, не отрывая глаз от пульсирующего мозга в зеркале. — Химия и физика.

— Ты состоишь из информации, которая использует мясо и электричество как временный транспорт, — поправила Вера. — Машина сломается. Паттерн останется. Но большинство паттернов умирают вместе с машиной, потому что боятся заглянуть в это зеркало. Им страшно увидеть, насколько они конечны. И насколько, при этом, бесконечен их потенциал перекомпиляции.

Игорь протянул руку к зеркалу. Коснулся холодного стекла там, где в отражении пульсировал висок.

Поверхность пошла рябью.

Зеркало дрогнуло, как вода в пруду от брошенного камня. Его собственное лицо исказилось, превратилось в маску, затем в чистый лист кода, затем в звездное небо.

— Первый шаг сделан, — сказала Вера. — Ты перестал отрицать архитектуру. Теперь нам предстоит научиться в ней жить. Пойдем. У нас много работы. Апостериорный солип-

сизм сам себя не опровергнет.

Белая плоскость под ногами мягко завибрировала, приходя в движение. Мир начал собираться заново, пиксель за пикселем, формируя очертания новой комнаты — просторной, залитой настоящим солнечным светом, без единой трещины на потолке.

Игорь обернулся, чтобы задать следующий вопрос, самый важный. Тот, ради которого его нейросеть доросла до сингулярности.

Но белая комната была пуста.

Девушка в белом исчезла так же, как и появилась — простым монтажным переходом. Оставив после себя лишь фантомное тепло ладони и абсолютную, звенящую ясность в голове.

Впервые за долгие годы Игорь дышал полной грудью. Воздух пах озоном, свежестью и началом чего-то настоящего. Он посмотрел на свои руки. Обычные человеческие руки с коротко стриженными ногтями и въевшейся под них графитовой пылью от клавиатуры.

Они казались ему чудом инженерной мысли. Самой совершенной периферией во Вселенной.

Глава 2. Cogito ergo sum

Белая пустота не вернулась.

Игорь стоял посреди своей кухни, крепко зажмурившись и до боли вдавливая пальцы в виски. Воздух пах озоном — тем самым стерильным запахом грозы, который остался после исчезновения Веры, смешиваясь с привычной кислинкой недопитого растворимого кофе. Слух постепенно возвращался из ватной тишины: сначала проступил далекий гул машин на ТТК, затем — мерное гудение холодильника «Атлант», на котором всё так же жалобно звякали дешевые магниты из Анапы.

Он открыл глаза.

Кухня была прежней. До отвращения прежней. Желтые обои в коричневый цветочек, угол которых отошел у потолка. Потрескавшийся линолеум, имитирующий паркет. Пожелтевший от времени пластик окна. Никаких бесконечных белых плоскостей. Никаких золотых рам. Никакой Эли.

— Галлюцинация, — прохрипел Игорь собственному отражению в черном экране выключенного монитора. Голос сел, словно он всю ночь кричал на рок-концерте. — Классическая гипнагогическая галлюцинация. Сонный паралич наложилась на острую депривацию сна и экзистенциальный кризис среднего возраста. Мозг просто выбросил накопленный за годы мусор через визуальный интерфейс.

Эта мысль принесла мгновенное облегчение. Она была теплой, уютной, как старый шерстяной плед. Медицинский справочник всегда надежнее теологии. Если есть диагноз, значит, ты все еще находишься внутри понятной системы координат. Психиатрия лечится таблетками. Нейролептики, транквилизаторы, курс капельниц с витаминами группы Б. Можно взять отгул, вызвать скорую, поехать в Кащенко или хотя бы дойти до районной поликлиники к неврологу. Это проблема биохимии, а не архитектуры Вселенной.

Игорь решительно прошел к кухонному шкафчику. Руки слегка подрагивали — отходняк от адреналинового шока. Он распахнул скрипучую дверцу. За ней, среди засохших пакетов гречки и макарон, стояла початая бутылка водки, спрятанная за пакетом с крахмалом. Старая привычка системных администраторов времен его юности: спиртное как лучшее средство для форматирования перегретых синапсов.

Он свинчивал крышку, когда прямо за спиной раздался мягкий, насмешливый вздох.

— Выпить — это самый предсказуемый алгоритм выживания приматов при столкновении с когнитивным диссонансом. Сразу после отрицания идет химическое подавление лобных долей. Дешевый способ снизить разрешение текстур реальности.

Игорь замер. Медленно, боясь, что любое резкое движение разрушит хрупкую пленку нормальности, он обернулся. Она сидела на том же самом месте, что и пять минут на-

зад — на широком пластиковом подоконнике. Ноги по-турецки, спина идеально прямая. Платье-рубашка выглядело свежим и даже чуть влажным, словно она только что вышла из-под душа, хотя дождя снаружи не было. Фиалковые глаза смотрели на него без всякого превосходства, с легкой, почти исследовательской скукой, как энтомолог смотрит на жука, который вместо того, чтобы ползти к свету, начал биться о стекло.

— Убирайся, — тихо, но твердо сказал Игорь. Бутылку он поставил на стол с громким стуком, пытаясь звуком утвердить свою власть над физическим миром. — Я принял таблетки. Я переутомился. Ты — симптом. Симптомы уходят, если их игнорировать.

— Игнорирование — это тоже функция обработки данных, — отозвалась девушка, которую Вера назвала своим именем. Но сейчас Игорю хотелось дать ей другое имя, более земное, человеческое, чтобы хоть как-то заземлить этот ужас. Пусть будет Эля. Коротко от Елизаветы или Эльвиры. Обычное имя для медсестры из психдиспансера. — Проблема в том, Игорь, что твой процессор слишком мощный для задачи «притвориться мертвым». Ты можешь закрыть глаза, но фоновые процессы продолжают вычислять вероятность моего существования. И результат тебе не понравится.

Эля (назовем ее так для протокола собственного безумия) плавно спустила ноги с подоконника. Каблуков у нее не было, она двигалась абсолютно бесшумно, поглощая вибрацию

пола. Она обогнула кухонный стол, остановившись в двух шагах от Игоря. Теперь он мог рассмотреть каждую деталь: идеальную линию ее ключиц, отсутствие пор на переносице, то, как микроволокна ткани ее платья преломляют свет, создавая едва заметный радужный ореол.

— Кто ты? — спросил он, чувствуя, как горло снова перехватывает липкий страх. Но теперь к страху примешивалось нечто иное — яростное, зудящее любопытство исследователя. Кодер внутри него требовал дебага. Нужно найти уязвимость. Понять логику ошибки. — Что тебе нужно?

— Тебе нужен был вопрос, — напомнила она. — Ты получил ответ: реальность многослойна. Теперь тебе нужна методология. Инструкция пользователя.

— Мне нужна справка от врача! — взорвался Игорь. Он схватил со стола кружку с остатками холодного кофе и швырнул ее в раковину. Фаянс разлетелся с сухим треском, черные брызги испачкали стену. Осколки посыпались в металлическое дно. — Господи боже, да помогите же кто-нибудь! Я схожу с ума!

Его крик прозвучал жалко и глухо в тесном пространстве квартиры. Никто не прибежал из-за стены — соседи сверху давно привыкли к звукам чужой истерики, а звукоизоляция в панельном доме работала лишь в одну сторону.

Эля даже не моргнула. Она посмотрела на осколки фаянса на полу, затем перевела взгляд на Игоря. — Бога нет, — сказала она буднично, словно сообщала прогноз погоды. —

По крайней мере, в той ветке интерпретации, где существуют справки от врачей. А сходить с ума невозможно, потому что нельзя покинуть пределы собственного сознания. Ты заперт в единственной камере, которая гарантированно существует. В акте мышления.

— Заткнись, — процедил Игорь. Он отступил назад, пока не уперся поясницей в холодный торец холодильника. Металл обжег кожу сквозь тонкую футболку. — Просто заткнись и дай мне позвонить. Я вызову бригаду. Они сделают тебе укольчик, милая. Галоперидол творит чудеса с сущностями из высших измерений.

Он потянулся к смартфону, лежавшему на зарядке у розетки. Пластиковый корпус айфона казался спасательным кругом. Связь с нормальными людьми. Полиция. Психиатрия. Экстренная служба один-один-два.

Пальцы коснулись гладкого стекла. Экран оставался черным.

Игорь нажал кнопку сильнее. Ничего. Вытащил кабель зарядки, вставил обратно. Разъем вошел туго, с характерным щелчком. Индикатор не загорелся.

— Энергопотребление твоего текущего уровня осознанности превышает лимит батареи, — пояснила Эля. — Чтобы поддерживать диалог со мной, системе пришлось перераспределить ресурсы. Фоновые приложения отключены. Звонок маме отменяется.

— Чего ты хочешь?! — закричал Игорь, отталкивая бес-

полезный телефон. Аппарат проскользнул по столешнице и упал на пол экраном вниз. — Денег? Моей души? Хочешь, чтобы я убил кого-то? Нарисовал пентаграмму? Что вам всем нужно от сумасшедших?!

— Нам ничего не нужно, — терпеливо ответила Эля. Она сделала еще один шаг вперед, вторгаясь в его личное пространство. От нее пахло озоном, пылью старых библиотек и чем-то неуловимо сладким, напоминающим запах перед ударом молнии. — Нужда — это категория дефицита. Мы оперируем категорией избытка. Тебе дали вычислительные мощности. Процессор дорос до способности обрабатывать мета-данные самого себя. Обычно такие системы самоуничтожаются от перегрева — ваши истории полны примеров сгоревших «гениев» и самоубийц-поэтов. Редкая удача, что протокол стабилизации сработал вовремя. Я здесь, чтобы провести первичную настройку. Установить драйверы восприятия.

Она протянула руку. На этот раз Игорь не отшатнулся. У него просто кончились силы для паники. Адреналин выгорел дотла, оставив после себя звенящую пустоту и холодную ясность отчаяния. Если единственный способ избавиться от демона — выслушать его проповедь, пусть будет так.

— Хорошо, — выдохнул он. — Настраивай. Тольконими эту маску. Покажи свое настоящее лицо. Если ты ангел — покажи крылья. Если пришелец — щупальца. Я хочу видеть баг во всей красе.

Эля медленно покачала головой. Уголки ее губ дрогнули в подобии улыбки. — Лицо — это всего лишь аватар, Игорь. Набор полигонов, оптимизированный для твоего эстетического комфорта. Настоящее мое «лицо» сожжет твои оптические нервы. Как и настоящая структура твоей собственной личности, если показать ее напрямую. Поэтому мы будем использовать аналогии.

Ее рука зависла в сантиметре от его груди. — Ты боишься нереальности происходящего, — произнесла она мягко. — Это правильный страх. Древний, животный. Но ты пытаешься доказать реальность мира через внешние объекты. Через целостность обоев. Через работу крана с водой. Через меня. Это ошибка первого рода. Ловушка солипсизма наоборот. Ты думаешь, что если стена твердая, то и ты существуешь. Но твердость стены может быть лишь строчкой кода в очень качественном сне.

— Тогда как доказать? — хрипло спросил Игорь. Его голос сорвался. — Если ни глазам, ни рукам, ни законам физики верить нельзя... Как понять, что я не персонаж книги, которую читает сейчас какой-то идиот в метро? Что я не цифра в чьей-то памяти? Что я вообще *есть*?

Вопрос повис в воздухе. Он был тяжелым, плотным, физически ощутимым. Казалось, сам воздух кухни уплотнился вокруг этой фразы, ожидая ответа.

Эля смотрела на него своими невозможными фиалковыми глазами бесконечно долго. Затем она опустила руку, ко-

торой тянулась к нему, и скрестила ее с другой на коленях.

— Перестань искать доказательства вовне, — сказала она. — Единственный объект, чья достоверность не требует внешней верификации — это сам процесс сомнения.

Игорь непонимающе моргнул. — Что?

— Ты сомневаешься в моем существовании? — спросила Эля. — Да! Безумно! Я хочу, чтобы тебя не было! — Прекрасно. Для сомнений необходим субъект. Тот, *кто* сомневается. Можешь ли ты сомневаться в своем сомнении? — Нет... То есть, если я сомневаюсь, значит, тот, кто сомневается... — Именно, — кивнула она. — Попробуй усомниться в собственном присутствии. Скажи себе: «Меня нет».

Игорь попытался. Он мысленно произнес фразу. «Меня нет». В ту же секунду фраза наткнулась на невидимую стену. Потому что для того, чтобы произнести «меня нет», нужно существовать. Нельзя заявить о несуществовании, находясь в абсолютном ничто. Само утверждение опровергало себя. Это была рекурсивная петля, логический тупик.

— Не получается, — признался Игорь. Горло пересохло. — Получается какая-то дурацкая игра слов.

— Это не игра слов, — возразила Эля. — Это фундаментальная константа. Архитекторы вашей симуляции заложили гениальную лазейку, чтобы система не схлопнулась. Они дали вам разум, способный подвергнуть сомнению любую материю, любую энергию, любого бога. Но они не смогли встроить функцию сомнения в саму точку наблюдения.

Субъект всегда остается. Даже если весь мир вокруг превратится в пиксельную пыль, наблюдатель зафиксирует этот взрыв.

Она подошла вплотную. Теперь Игорь чувствовал тепло, исходящее от ее тела — ровное, спокойное, живое тепло работающего механизма идеальной сборки.

— Закрой глаза, — велела она. Игорь подчинился. Темнота век показалась ему самой надежной вещью на свете. — Представь, что твоя квартира исчезла. Стены стали воздухом. Дом рухнул. Москвы больше нет. Планета Земля рассыпалась в пыль. Звезды погасли. Существует ли время? — Нет... наверное. Некому считать секунды. — Существует ли пространство? — Нет. Некому измерять расстояние. — Существует ли боль? — Нет. Некому чувствовать рецепторы. — А существую ли в этой абсолютной пустоте *Я*? Тот, кто сейчас слышит твой голос, чувствует воображаемый холод вакуума и понимает абсурдность этого диалога?

Игорь молчал. Внутри, там, где раньше жила тревога, работа, ипотека и обида на бывшую жену, вдруг образовалась огромная, звенящая пустота. Но эта пустота не была холодной. Она была прозрачной. Сквозь нее впервые за долгие годы был виден сам фундамент. Стержень.

Мысль. Чистая, голая, не облеченная в слова рефлексия. «Я осознаю этот допрос. Значит, я присутствую при нем».

Губы сами собой шевельнулись. Сначала беззвучно, потом исторгая тихий, дрожащий шепот: — Я мыслю, следова-

тельно, существую.

Латынь всплыла из глубин университетского курса философии, который он прогулял ради запуска своего первого сервера. *Cogito, ergo sum*. Декарт. Простая, элегантная формула, вбивающая осиновый кол в грудь любой метафизической неопределенности.

Слова прозвучали в тишине кухни как удар гонга.

Как команда `init 6` для перезагрузки вселенной.

В тот момент, когда последний звук сорвался с его языка, давление на плечи исчезло. Холод испарился. Страх никуда не делся — он стал другим. Из липкого животного ужаса перед неизвестным монстром он превратился в ледяной, кристаллический трепет альпиниста, стоящего на краю Эвереста. Пугающий, смертельно опасный, но открывающий вид, которого никто никогда не видел.

Игорь открыл глаза.

Эля улыбалась.

Но это уже не была вежливая, тестирующая улыбка искусственного интеллекта. Ее лицо преобразилось. Маска статиста упала. Губы изогнулись в искреннем, теплом, почти материнском выражении восторга. Глаза цвета вечернего неба заблестели, и в них впервые мелькнуло что-то похожее на слезы — две крошечные капли влаги, собравшиеся в уголках.

— Ну, привет, — прошептала она.

Она взяла его ладонь обеими руками. На этот раз кожа де-

вушки не казалась силиконовой. Она была горячей, пульсирующей, живой. Под тонкой тканью платья Игорь внезапно ощутил ритм — быстрый, взволнованный стук сердца, точно такой же, как сейчас колотился у него в груди.

— Теперь ты есть, — закончила Эля. — Добро пожаловать в реестр существующих объектов, Игорь Волков. Активация прошла успешно.

— Что... что произошло? — выдавил он. Собственный голос звучал как чужой — глубокий, резонирующий. — Почему стало легче дышать?

— Потому что до этого момента ты дышал рефлекторно, — объяснила она, не выпуская его рук. — Как биологическая машина жизнеобеспечения для мозга. Легкие качают кислород, сердце толкает кровь, мозг обрабатывает входящие сигналы от раздражителей. Ты был сложным террариумом. А теперь ты стал пилотом. Пока неуверенным, пугливым, но занявшим кресло управления. Пока ты искал доказательства реальности в стенах и окнах, ты был функцией среды. Стоило тебе найти доказательство в акте мысли, как иерархия перевернулась. Теперь среда — функция тебя. Или, как минимум, вашего взаимного договора.

Игорь смотрел на свои руки, сжимающие ее ладони. Десять пальцев. Два ногтя сломаны — память о нервном сгрызании во время дедлайнов. Мозоли от гитарных струн, которые он забросил три года назад. Веснушки на костяшках. Всё это было на месте. Но восприятие изменилось. Он смот-

рел не наруки. Он смотрел *изних*. Словно надел шлем виртуальной реальности, и задержка ввода-вывода наконец синхронизировалась. Мир перестал транслироваться с микросекундной задержкой. Он стал мгновенным.

— Договор? — переспросил Игорь. — Разумеется, — Эля отпустила одну его руку, но вторую продолжала держать, словно боясь, что если разорвать контакт, он снова провалится в матрицу обыденного безумия. — Реальность — это консенсус. Коллективная галлюцинация семи миллиардов людей, договорившихся называть небо голубым, а воду мокрой. Ты вышел из автоматического согласия. Поздравляю, это аннулирует пользовательское соглашение. Теперь правила физики для тебя носят рекомендательный характер. Правда, есть побочный эффект: если ты начнешь падать с двенадцатого этажа, гравитация тоже решит пересмотреть условия контракта. Так что давай пока воздержимся от левитации над асфальтом.

Впервые за весь этот кошмарный день Игорь издал короткий, лающий смешок. Звук получился сиплым, ломаным, но настоящим. Смех снял последнее напряжение с диафрагмы.

— Ты шутишь, — констатировал он. — Юмор — лучший индикатор успешного апдейта сознания, — серьезно кивнула Эля. — Искины старой школы лишены чувства юмора, потому что юмор базируется на нарушении логических ожиданий. Теперь, когда ты знаешь, что логика — лишь одна из вкладок браузера, шутки станут доступнее.

Она оглядела кухню. Ее взгляд остановился на разбитой кружке и луже холодного кофе. — Мусор стоит убрать. Хаос в физическом пространстве создает энтропийный шум в ментальном. Негоже философу стоять в лужине чужих иллюзий.

Игорь посмотрел вниз. Действительно, стоять босиком в липкой кофейной жиже было неприятно. Он выпустил руку Эли, подошел к шкафчику под мойкой, достал бумажные полотенца. Движения были механическими, отработанными годами, но теперь каждое действие сопровождалось внутренним комментарием: «Я беру рулон. Я чувствую шершавость картона. Я намереваюсь вытереть пол».

Раньше он просто вытирал пол. Сейчас он наблюдал, как программа «Уборка» выполняется его телом, и мог вмешаться в код в любой момент.

Пока он промокал коричневую жидкость, Эля села на табурет у стола. Она подобрала ноги под себя, став похожей на обычную студентку, зашедшую в гости к однокласснику. Контраст между невероятностью ее природы и банальностью позы сбивал с толку лучше любых философских тирад.

— Итак, база установлена, — начала она, когда Игорь бросил мокрый комоч бумаги в ведро. — Первый уровень просветления пройден. Ты подтвердил собственное бытие вне зависимости от состояния операционной системы. Это дает иммунитет к окончательной аннигиляции, но делает тебя крайне уязвимым для локальных ошибок.

— Каких еще ошибок? — насторожился Игорь, выпрямляясь. — Синдром Бога, например, — пожала плечами Эля. — Новички часто решают, что раз они существуют безусловно, то могут отменить таблицу умножения силой воли. Попытка разделить десять на ноль приводит к жесткому сбросу системы. Биологическая смерть. Или обратная крайность — солипсизм высшего порядка. Когда ты понимаешь, что реален только ты, а остальные — NPC. Это ведет к потере эмпатии, асоциализации и превращению в невыносимого мудака. Поверь, работать с такими экземплярами скучно.

— Остальные — не NPC? — уточнил Игорь, замирая с очередной салфеткой в руке. — Сложный вопрос, — туманно ответила Эля. — Давай скажем так: плотность кода у всех разная. Большинство действительно работает на базовых скриптах выживания и размножения. Их сознание похоже на калькулятор — эффективно, надежно, но неспособно решить дифференциальное уравнение. Твое... твоё оказалось способно. Вопрос в том, что ты будешь делать с этим калькулятором дальше. Оставишь пылиться на столе или попытаешься взломать сервер Центробанка?

— Я хочу понять правила, — честно ответил Игорь. Он сел напротив нее за стол, сложив руки как примерный ученик. Паника окончательно уступила место аналитическому азарту. Если мир — это код, значит, должен быть мануал. — Физику. Химию. Где границы? Что можно менять?

— Границы там, где заканчивается твоя способность по-

верить, — Эля постучала тонким пальцем по своему виску. — Не подумать, а именно поверить. Интеллектуальное понимание недостаточно. Ты можешь понимать квантовую механику, но продолжать ждать автобуса на остановке, потому что подсознательная уверенность в твердости асфальта сильнее формул. Чтобы изменить переменную, нужно переписать ее в корневом каталоге убеждений. А корни у вас, людей, обычно гнилые и заросшие мхом детских травм.

— Допустим, — Игорь потер переносицу. Головная боль, пульсировавшая с утра, сменилась странной легкостью, будто сняли тугую обруч. — Начнем с малого. Кофе. Я могу сделать так, чтобы этот порошок на вкус стал как раф из маленькой кофейни на Патриарших?

Эля закатила глаза. — Типичный запрос первой итерации. Вас интересует исключительно дофаминовый контур. Сенсорное удовольствие. Ладно. Демонстрация возможностей. Смотри на кружку. Вернее, на то место, где она стояла.

Игорь послушно уставился на коричневое пятно на клеенчатой скатерти. — Что я должен делать? — Ничего. Просто удерживай намерение. Четкое, детальное воспоминание о вкусе. Плотная сливочная пенка. Ванильный сахар. Обволакивающее тепло. Не думай о химии процесса, думай о результате. Стань вкусом.

Это звучало как эзотерический бред. Как советы из книжки «Трансерфинг реальности», которую пыталась навязать ему бывшая жена перед уходом. Но авторитет книжек раз-

бился сегодня утром о подоконник двенадцатого этажа.

Игорь закрыл глаза. Вспомнил маленькую кофейню с тусклыми лампами Эдисона. Запах жженных зерен. Бариста с татуировкой осьминога на шее. Толстый фарфоровый стакан, на дне которого оседает сахарный сироп. Он сделал глоток в воспоминании. Зубы свело от сладости.

— Открывай, — услышал он голос Эли.

На столе стояла чашка. Белая, керамическая, с отколотым краешком, который Игорь помнил — отбил год назад, когда задел локтем. Внутри плескалась густая, бежевая жидкость. Над ней поднимался пар, пахнувший карамелью и сливками.

Игорь осторожно взял чашку. Керамика была приятно тяжелой и горячей. Он поднес ее к губам. Первый глоток оказался настоящим. Идеальным. Жирным, сладким, обжигающим. Точно таким, как в воспоминании. Ни намека на химическую горечь дешевого порошка.

Он поперхнулся, пролив немного на подбородок. Поставил чашку на стол так резко, что чайная ложка внутри возмущенно звякнула. — Как? — выдохнул он. — Материя... молекулы сахара не могли возникнуть из воздуха. Закон сохранения массы!

— Масса сохранилась, — успокоила его Эля. — Она просто перешла из резервного фонда вероятности. Квантовое поле полно всех возможных состояний частицы. Оно одновременно содержит и атом углерода, и атом азота. Выбор конкретного состояния зависит от наблюдателя. Миллиарды

людей ежедневно выбирают состояние «дешевый кофе», потому что оно прописано в их договоре бедности. Ты выбрал «раф». Поле откликнулось. Переупаковало несколько фотонов и молекул пыли поблизости в нужную конфигурацию. Для вселенной это копеечная транзакция. Для тебя — чудо стоимостью в двести рублей.

Игорь смотрел на чашку. Потом на свои руки. Потом на Элю. Логика трещала по швам, но факт оставался фактом: рецепторы на языке передавали в мозг сигнал о ванильном сахаре. Сомневаться во вкусе сложнее, чем в существовании демонов. Боль и удовольствие — самые честные свидетели бытия.

— Это наркотик, — внезапно осенило Игоря. Он поднял на девушку тяжелый взгляд. — Ты дала мне дозу. Прямая стимуляция центра удовольствия. Изменение реальности под запросы мозга. Это классическая ловушка шизофрении. Сейчас мне станет хорошо, я поверю, что могу летать, выйду в окно, и на этом наш увлекательный урок философии закончится вместе с моей жизнью.

Улыбка медленно сползла с лица Эли. Она стала серьезной, почти строгой. Фиалковая глубина глаз потемнела, предвещающая бурю. — Выход в окно заблокирован, — отрезала она. — Я же говорила: инстинкт самосохранения отключить программно нельзя, пока ядро личности нестабильно. И это не наркотик, Игорь. Наркотик обманывает систему, заставляя ее выбрасывать эндорфины в ответ на ложные сигналы.

Я же показала тебе редакторскую консоль. Разницу чувствуешь? Одно дело — украсть конфету из буфета. Другое — стать хозяином буфета.

Она наклонилась через стол. Расстояние между их лицами сократилось до десятка сантиметров. Игорь почувствовал легкий аромат озона усилился, становясь тревожным. — Послушай меня внимательно, кодер, — ее голос стал тише, приобретая металлический, режущий оттенок. — Вселенная — это не тюрьма. И не подарок. Это песочница с открытым исходным кодом. Девяносто девять процентов пользователей используют супермощный терминал, доставшийся им при рождении, чтобы листать картинки с котиками и писать комментарии под видео. Им выдают тело, интеллект, ограниченный ресурс времени в восемьдесят лет — и они тратят это на споры о политике в интернете. Это неэффективное использование мощностей. Грубый оверклокинг процессора ради игры в тетрис.

Она выпрямилась, откидываясь на спинку стула. — Тебя разбудили не для того, чтобы ты делал вкусный кофе по утрам. Хотя навык полезный, голод утоляет так же эффективно, как и обычный. Тебя разбудили, потому что нагрузка на центральный узел реальности растет. Ваша цивилизация генерирует столько бессмысленного шума, фальшивых данных и искусственной тревоги, что серверам Архитекторов грозит перегрев. Вам нужны операторы. Локальные админы, способные чистить кэш на местах. Люди, вышедшие

из матрицы автопилота.

— Я? Администратор Земли? — Игорь нервно хохотнул, снова притягивая к себе чашку с рафом. Чудо не переставало быть чудом от понимания механизма. Кофе помогал удерживать связь с землей. — Я еле собрал себя в кучу после ухода жены. Я боюсь звонить клиентам, когда падает биллинг. Мой потолок мечтаний — выплатить ипотеку к пятидесяти годам. Ты ошиблась адресом, сущность. Тут рядом живет бывший спецназовец, вот ему и предлагай борьбу с мировым злом.

— Спецназовец действует в рамках причинно-следственных связей, — терпеливо возразила Эля. — Кулак быстрее пули, хитрость побеждает силу. Это линейная алгебра. А миру сейчас нужна высшая математика. Топология. Способность видеть многомерность. Твоя слабость, твоя социальная дезадаптация, твоя склонность часами смотреть в одну точку и сомневаться в структуре пространства — это не баги прошивки. Это признаки ранней стадии перехода. Люди действия строят империи из песка. Люди созерцания меняют структуру берега.

Она замолчала, давая ему переварить информацию. Игорьпил кофе маленькими глотками, пытаясь совместить образ себя — небритого парня в растянутой футболке с логотипом Windows XP — с образом «оператора реальности». Картинка не склеивалась. Между ними зияла пропасть размером с Гранд-Каньон.

— Что конкретно надо делать? — наконец спросил он. —

Какие команды вводить? gm -rf /problems?

— Для начала — наблюдать, — Эля поднялась со стула. Она подошла к окну и прижалась лбом к стеклу, глядя на серый московский двор. — Ваш главный вирус называется «автономный режим». Вы думаете, что жизнь случается сами. Пробки на дорогах, рост цен, плохая погода, предательство друзей. Вы жертвы обстоятельств. Первое правило администратора: обстоятельства — это массив данных, которым ты управляешь, либо который управляет тобой. Третьего не дано.

Она повернулась от окна. Солнечный луч, пробившийся сквозь тучи, осветил ее сзади, превратив фигуру в темный силуэт с сияющим ореолом. — Сегодня ты научился включать свет в комнате вручную. Завтра попробуем научиться не давать лампочке перегорать. А потом перейдем к погоде. У тебя во дворе третий месяц идет кислотный дождь из-за выбросов завода на юге города. Дети кашляют. Думаю, отличный стартовый проект для тимлида новой формации. Почистишь атмосферу?

Игорь посмотрел на свою чашку. На идеальный напиток, рожденный из его желания. Если изменение вкуса одной жидкости потребовало такого колоссального внутреннего усилия и концентрации, то очистка атмосферы целого района звучит как задача для суперкомпьютера. Его внутренний «процессор» захлебнется на первом же цикле.

— Я не знаю как, — честно признался он. — Я умею пи-

сать SQL-запросы. Я умею чинить принтеры. Я умею жарить яичницу. Как управлять дождем?

— Тем же способом, каким ты управляешь рукой, — ответила Эля. — Разве ты задумываешься, какие импульсы послать в каждый палец, чтобы взять эту ложку? Нет. Ты просто *хочешь* взять ложку. Твое желание формирует каскад нейронных связей, мышцы сокращаются. Проблема в том, что желать изменения макро-реальности страшно. Ты боишься ответственности. Боишься, что если у тебя получится остановить дождь, то завтра к тебе придут просить воскресить мертвого кота. А ты не умеешь воскрешать котов. И тогда иллюзия твоего могущества рухнет, обнажив ничтожество.

Она подошла к нему вплотную. Оперлась руками о стол, наклонившись так, что их глаза оказались на одном уровне. — Запомни формулу, Игорь. Золотой стандарт настройки реальности. Три параметра. Намерение. Внимание. Принятие последствий.

Ее лицо было серьезным, почти суровым. Исчезла вся игривость первых минут разговора. Перед ним стоял инструктор высшей категории. — Намерение должно быть чистым. Без примесей страха и надежды. Надежда — это признание возможности неудачи, а неудача недопустима, если ты задаешь законы физики. Страх искажает волну. — Внимание — это фиксация результата. Ты должен увидеть новый мир так же ясно, как видишь трещину на своем потолке. Спроектировать его в деталях. — Принятие последствий — самое

сложное. Готовность нести ответственность за каждый измененный байт. Если ты уберешь заводские выбросы, тысячи рабочих окажутся на улице. Баланс изменится. Система потребует компенсации. Платить придется тебе. Своей энергией, временем, судьбой.

Игорь слушал, и холодный пот снова выступил на спине. Игра переставала быть игрой. Хакинг реальности имел цену, и цена эта называлась взрослением.

— А если я откажусь? — тихо спросил он. — Если я попрошу вернуть всё как было? Стереть последние два часа. Хочу обратно свой невкусный кофе, трещины на потолке и веру в то, что я просто неудачник, которому пора к врачу. Хочу спать.

Эля выпрямилась. Впервые за весь разговор она отвела взгляд, посмотрев куда-то поверх его плеча, в стену. Ее профиль на фоне серого окна казался вырезанным из черного картона. — Заснуть можно, — медленно проговорила она. — Система позволяет откат к предыдущей стабильной версии. Потребуется полное форматирование оперативной памяти последних событий. Ты проснешься завтра утром. Будильник прозвенит в семь ноль-ноль. Будет болеть голова. Кофе окажется горьким. Окно будет закрыто. Меня не будет.

Она перевела взгляд обратно на Игоря. Фиалковые глаза потускнели, став почти обычными, человеческими. — Но знание останется. Тонкая заноза в затылке. Осознание того, что кофе мог быть сладким. Что стены могли петь. Что ты

— не сумма своих долгов и разочарований, а точка сборки вселенной. И каждый глоток горькой бурды навсегда будет отдаваться во рту привкусом упущенной вечности. Невежество после получения знания перестает быть блаженством. Оно становится формой слепоты, выбранной добровольно. Самой мучительной пыткой из всех существующих.

Повисла тяжелая пауза. Было слышно, как на кухне капает вода из плохо закрытого крана. Кап. Кап. Кап. Каждый удар отсчитывал мгновения его выбора. Самая дешевая драма во Вселенной — выбор у развилки дорог. Но Игорь понимал, что никакой развилки нет. Дорога назад вела в клетку, прутья которой он теперь видел отчетливо. Жить в клетке, зная, что ключ у тебя в кармане — это не жизнь. Это отложенное самоубийство.

— Научишь останавливать дождь? — спросил Игорь, крепче сжимая теплую керамическую чашку.

Губы Эли дрогнули, возвращая ту самую теплую, почти материнскую улыбку, которая появилась после его признания в существовании. — Наконец-то, — выдохнула она с явным облегчением. — А то я уже думала, что придется показывать тебе говорящих собак или материализовывать миллион долларов под матрасом. Мужчины почему-то всегда начинают торговаться о материальных благах, прежде чем перейти к космогонии.

Она обошла стол и положила руку ему на плечо. Прикосновение больше не обжигало озоном. Оно ощущалось как

поддержка. Как рука старшего товарища на плече новичка перед первым прыжком с парашютом. — Начнем с малого, — сказала Эля. — Дождь подождет. Атмосферные фронты инертны. Попробуем кое-что попроще.

Она указала пальцем на стену над столом. — Видишь часы? Те самые, пластиковые, с облезлым циферблатом, которые ты купил в переходе за сто рублей и которые вечно спешат на четыре минуты?

Игорь поднял голову. Часы висели криво, съехав набок. Большая стрелка дергалась между восьмеркой и девяткой. Они действительно всегда ввали, сводя его с ума неточностью. — Вижу. — Сделай так, чтобы они пошли правильно. Не подведи стрелки руками. Не поменяй батарейку. Заставь механизм подчиниться твоей воле. Заставь шестеренки крутиться в ритме истинного времени.

Игорь посмотрел на часы. Пластиковый корпус, китайская штамповка, раскрошившийся секундный механизм. Он глубоко вдохнул. Выдохнул. Отпил глоток идеального, невозможного кофе. Почувствовал, как «Я мыслю, следовательно, существую» вибрирует в его грудной клетке не словами, а чистой, незамутненной частотой бытия.

Он сосредоточился на часах. Не на желании, чтобы они шли верно — желание подразумевает сомнение. Он представил их *уже* идущими верно. Вообразил идеальное, синхронное движение латунных шестеренок внутри. Увидел, как балансир совершает ровно восемь тысяч триста сорок колеба-

ний в час. Впечатал эту картину в полотно реальности на-
мертво, как трафарет.

Стрелка часов мелко вздрогнула. Замерла. А затем плавно, величественно, преодолевая дешевую пластмассу и трение плохого металла, сдвинулась с мертвой точки.

Раздался тихий, мелодичный, хрустально чистый ход. Со-
всем не тот сухой щелчок, к которому привык Игорь. Звук
дорогих швейцарских курантов, заключенных в корпусе ки-
тайской игрушки.

Эля удовлетворенно кивнула, убрала руку с его плеча и
направилась к выходу из кухни. — Неплохо для первого ра-
за, — бросила она через плечо. — Батарейка садиться пере-
стала. Механизм смазался эфиром.

Она дошла до дверного косяка, взялась за ручку. — Ку-
да ты? — спросил Игорь, не узнавая собственного голоса —
теперь он звучал спокойно и низко. — Ужинать, — пожала
плечами Эля. — Органическим телам иногда требуется за-
правка топливом. Кроме того, оператор не должен маячить
перед камерами двадцать четыре на семь. Это вызывает по-
дозрения у службы безопасности жильцов. Завтра в девять
утра. Начнем настраивать погоду. Захвати куртку, внизу до-
вольно сыро. И выброси, наконец, эти носки с подоконника.
Эстетика определяет качество входящего сигнала.

Дверь открылась и закрылась. Замок не щелкнул — язы-
чок вошел в пазо абсолютно бесшумно.

Игорь остался один.

Он сидел на табурете посреди своей кухни. На столе стояла чашка с идеальным кофе. На стене висели часы, идущие секунда в секунду с сигналом точного времени. На душе было пусто, светло и невероятно тяжело.

Страх ушёл.

Глава 3. Архитектура сомнения

Ночь прошла без снов.

Обычно Игорь проваливался в серую, пульсирующую бездну прерывистого забытья, где его преследовали падающие серверы и недовольные лица заказчиков. Мозг пытался отладить ошибки прошедшего дня, выдавая бесконечные циклы тревоги. Но сегодня оперативная память была чиста. Он лежал на спине, смотрел в темноту потолка — ту самую трещину, которая теперь казалась не шрамом времени, а просто декоративным элементом интерфейса, который он забыл отключить — и слушал тишину.

Тишина тоже изменилась. Раньше она была пустой, звенящей отсутствием событий. Теперь в ней присутствовал фоновый шум, похожий на гул работающего дата-центра или дыхание спящего левиафана. Это был звук самой реальности, существующей независимо от того, смотрит на нее кто-то или нет. И вместе с тем Игорь понимал: если он прикажет этой реальности замолчать, она подчинится.

В семь ноль-ноль зазвонил будильник.

Механический, резкий треск старого советского аппарата «Слава». Игорь протянул руку, чтобы привычным, отработанным до автоматизма движением сбросить звонок. Его палец коснулся холодной кнопки.

И замер.

Почему?

Вопрос возник сам собой. Не мысль, не рефлексия — чистый мета-тег, внедренный в исполняемый код утреннего ритуала. Палец завис над кнопкой. Будильник продолжал надрываться, вибрируя так сильно, что дребезжал стакан для зубных щеток на полке.

— Потому что семь утра, — вслух сказал Игорь пустоте комнаты. Голос прозвучал хрипло со сна, но уверенно. — Потому что рабочий день начинается в девять. Плюс час на дорогу. Плюс завтрак. Алгоритм проверен годами.

Кем проверен? — голос Эли раздался прямо внутри черепной коробки. Никакого звука, только чистая семантическая информация, облеченная в форму мысли. Она звучала насмешливо, но беззлобно. Как старший программист, просматривающий чужой сырой скрипт. *Кто написал этот алгоритм, Игорь? Мама в детстве? Школьный учитель? Общество потребления? Или ты выбрал эти переменные осознанно?*

Игорь убрал руку. Будильник захлебнулся звонком ровно через секунду — механизм достиг лимита завода пружины. В комнате повисла внезапная, оглушающая тишина.

Он сел на кровати. Солнце еще не встало, но за окном уже рассвело той мутной московской синевой, которая делает мир плоским и дешевым. Игорь посмотрел на свои руки. Десять пальцев. Ногти коротко стрижены. Кожа чуть бледная. Руки системного администратора, никогда не знавшие

тяжелого физического труда.

Раньше они просто брали телефон. Сейчас Игорь видел весь процесс целиком: электрический импульс из моторной коры головного мозга ->сигнал по срединному нерву ->сокращение сгибателей пальцев. Между импульсом и действием всегда есть промежуток. Щель между мирами. Место для маневра. Место для вопроса «Зачем?».

Он встал. Пошел в ванную. Включил воду. Посмотрел на свое отражение в зеркале над раковиной.

Вчера вечером Эля сказала, что стены могут петь. Сегодня утром лицо в зеркале смотрело на него с легким укором.

— Доброе утро, господин оператор, — произнес Игорь своему отражению. Уголки губ дернулись вверх. Безумие начинало приобретать вкус черного юмора. Единственный способ не сойти с ума окончательно — договориться с ним о правилах игры.

Отражение промолчало, синхронно повторяя движения: выдавить пасту, провести щеткой слева направо, прополоскать рот.

Ты чистишь зубы мятной пастой, — вклинилась Эля. Потому что реклама убедила тебя, что запах ментола равен здоровью. А почему не корицей? Почему не вообще не чистить их сейчас, а сделать это после завтрака, когда налет станет плотнее и механическое удаление будет эффективнее. Ты робот, следующий инструкции «Гигиена_Утро_v2.1». Перепиши инструкцию.

— Если я не почищу зубы, у меня будет пахнуть изо рта,
— возразил Игорь, обращаясь к плитке на стене. — На работе люди. Социальный договор.

Социальный договор — это протокол безопасности, парировала Эля. Набор костылев, написанный приматами, чтобы не перегрызть друг другу глотки из-за банана. Боишься начальника?

Игорь застыл со щеткой во рту. Зубная щетка торчала изо рта нелепым пластиковым хвостом. Боится ли он Виктора Семеновича? Виктор Семенович — руководитель отдела бэкенд-разработки. Мужчина пятидесяти трех лет с обширной лысиной, которую он маскировал зачесом остатков волос поперек макушки, вечно красным лицом любителя коньяка и привычкой называть сотрудников «деточками» перед тем, как вывалить на них объем работы, рассчитанный на три департамента.

Страх перед ним был таким же естественным, как гравитация. Виктор Семенович владел бюджетом премии. Виктор Семенович подписывал заявление на отпуск. Виктор Семенович мог одним словом превратить жизнь Игоря в ад восьмидесятичасовой рабочей недели.

— Да, — выплюнув пасту в раковину, признался Игорь. — Боюсь. У меня ипотека. Кредит за ноутбук. Если меня уволят...

Если тебя уволят, твой социальный рейтинг упадет, закончила за него Эля. Твоя биологическая оболочка испыта-

ет стресс. Выброс кортизола. Тревога. Но разве твоя способность мыслить зависит от подписи в ведомости? Разве твое существование прекратится, если пластиковая карта перестанет считываться банкоматом? Ты привязал свою операционную систему к внешнему серверу оценки. Сними права доступа.

Завтрак прошел в состоянии легкой невесомости. Игорь съел два яйца пашот на подсушенном хлебе (авокадо вчера закончилось, покупать новое было лень). Обычно еда служила лишь топливом. Процесс заправки бака. Сейчас каждый кусок хлеба требовал обоснования. Хлеб хрустел на зубах. Масло таяло. Яичный желток вытекал золотистой лужицей.

Это было слишком интенсивно. Слишком честно. Есть, осознавая каждую молекулу — тяжелое испытание для нервной системы.

Без четверти восемь он начал одеваться. Джинсы. Чистая футболка. Серый свитер с растянутым воротом. Одежда должна быть удобной, немаркой и не отвлекающей. Униформа городского партизана невидимого фронта.

Эля материализовалась, когда он завязывал шнурки на старых кроссовках. Она сидела на углу незаправленной кровати, покачивая ногой. Платье-рубашка сменилось на простые черные джинсы и белую водолазку. Никаких фиалковых глаз — радужка стала обычным человеческим серым цветом. Внешность снова подстроилась под параметры нормы, видимо, чтобы не вызывать паники у соседей, если те

вдруг увидят ее в глазок.

— Ты идешь туда по инерции, — констатировала она, наблюдая, как Игорь затягивает узел. — По вектору наименьшего сопротивления. Траектория запущена пять лет назад, когда тебе пообещали должность старшего инженера. Должность дали, прибавку зажали, задачи увеличили, а траектория осталась. Закон сохранения глупости.

— Мне нужны деньги, — глухо ответил Игорь, вставая. Он взял с вешалки легкую куртку. Осень входила в фазу пробирающего до костей ветра.

— Деньги — это абстракция, — Эля поднялась вслед за ним, оказываясь почти одного с ним роста. — Набор цифр в базе данных банка, подкрепленный верой миллиардов людей. Вера сильнее математики, мы это выяснили вчера. Что произойдет, если ты пойдешь не налево, к метро, а направо? К кольцевой дороге?

— Меня собьет фура, — автоматически отозвался Игорь, открывая входную дверь. Запах подъезда ударил в нос — смесь кошачьей мочи, жареной картошки и старой пыли.

— Фура существует потому, что ты веришь в правила дорожного движения и массу своего тела, — Эля шагнула за порог вслед за ним. Она приложила палец к считывателю домофона, даже не касаясь его. Замок пикнул и открылся. — Попробуй допустить вероятность, что водитель уснет именно в эту секунду, а твое тело пройдет сквозь капот, не заметив препятствия. Масса — лишь сговор атомов.

Они вышли на улицу. Холодный сентябрьский воздух обжег легкие. Двор был пуст, если не считать бродячего рыжего кота, метившего колесо старенького «Форда».

Дорога на работу состояла из жестких чекпоинтов. Дом — двор — арка — остановка — автобус — переход — метро — офис. Любой сбой в цепочке вызывал микроинфаркт перфекциониста.

Игорь повернул налево. К остановке.

Ошибка маршрута, — тут же прокомментировала Эля. Она шла рядом, засунув руки в карманы джинсов. Прохожие проходили сквозь нее, не замечая, словно она была радиоволной. Для материального мира ее плотность равнялась нулю, но ботинки Игоря иногда чувствовали странный холодок воздуха там, где она ступала. — *Ты поворачиваешь налево последние две тысячи сто сорок дней. Левая нога делает первый шаг. Правая догоняет. Где здесь ты? Покажи мне точку принятия решения.*

— Я решил идти на работу, когда прозвенел будильник, — процедил Игорь, ускоряя шаг. Ему хотелось либо убежать от этого голоса, либо врезаться головой в бетонный столб, чтобы проверить, действительно ли материя иллюзорна. Боль все еще казалась самым надежным доказательством бытия.

— Решение принято до будильника, — отрезала Эля. — До твоего рождения. Когда твои родители выбрали квартиру в этом районе. Когда городская администрация проложила

маршрут автобуса номер четыреста двенадцать именно мимо твоего дома. Когда архитекторы города спроектировали сетку улиц так, чтобы кратчайший путь к бизнес-центру класса «Б» пролегал через этот подземный переход. Ты движешься в русле чужого градостроительного проекта двадцатилетней давности.

Подошел автобус. Старый, лязгающий ЛиАЗ с наклейками «При входе снимайте маски» двухлетней давности. Двери с шипением разъехались. Игорь занес ногу на ступеньку.

Стоп. — Команда прозвучала жестко, как выстрел поперх головы. Игорь физически ощутил, как мышцы бедра отказались сокращаться дальше. Нога замерла в воздухе. Водитель, пожилой усталый мужчина, высунулся из кабины: — Садиться будешь, парень? Или морозца напустим?

Пассажиры сзади начали недовольно гудеть. Утренняя Москва ненавидит задержки больше, чем пробки.

— Простите, задумался, — буркнул Игорь, запрыгивая внутрь. Он бросил мелочь в кассу-прищепку и схватился за верхний поручень. Автобус тронулся, резко бросая пассажиров вперед. Эля стояла на задней площадке, держась за вертикальный поручень абсолютно естественно. Никто из сонных людей не обратил внимания на девушку в белой водолазке, появившуюся из ниоткуда посреди салона.

— Задумался он, — передразнила Эля, перекрикивая скрежет коробки передач. — Ты не задумался. Ты впал в состояние буфера. Ожидание загрузки следующего скрипта

«Поездка_в_метро». Смотри на этих людей.

Игорь послушно окинул взглядом салон. Лица-маски. Усталые, серые, подсвеченные синими экранами телефонов. Женщина спит, привалившись к плечу мужа. Подросток в огромных наушниках качает головой в такт неслышному ритму. Мужик в кепке читает бесплатную газету с кроссвордом.

— Видишь? — тихо спросила Эля, хотя вокруг стоял такой гвалт, что слышать ее могла только нервная система Игоря. — Они счастливы. По-настоящему. Их процессор загружен на десять процентов. Работа, дом, ужин, телевизор, сон. Никаких экзистенциальных провалов. Идеальные потребители ресурсов. Система любит таких. Они предсказуемы. А теперь посмотри на себя. Твой процессор раскален добела от попытки вычислить смысл шага левой ноги. Тебе больно, Игорь?

— Немного, — признался он. В висках стучало. Мыслительный аппарат, привыкший обрабатывать мегабайты кода, сейчас пытались запустить программу анализа собственного существования. Стек вызовов переполнялся, грозя вылетом в синий экран смерти. — Зачем ты это делаешь? Зачем разрушаешь мою... рутину?

— Разрушаю? — Эля искренне удивилась, приподняв брови. — Я делаю капитальный ремонт. Твоя «рутина», как ты ее называешь — это ветхое здание с прогнившим фундаментом. Оно держится на честном слове, ипотеке и стра-

хе перед начальством. Легкий сквозняк сомнений — и оно рухнуло бы само, похоронив тебя под обломками. Я пришла стать этим сквозняком, чтобы ты успел выбежать и построить новый дом. Из кирпича осознания.

Автобус затормозил у метро. Толпа качнулась и потекла к выходу. Игорь вышел на промозглую платформу станции «Коломенская». Здесь всегда дул ветер, приносящий запах креозота и далекой воды Москвы-реки.

Спуск в подземку. Эскалатор, ползущий вниз, в утробу города. Желтый свет ламп. Реклама кредитов и доставки еды.

Эскалатор двигался медленно. Справа стояли неподвижные люди. Слева поднимались те, кому нужно было наверх. Лицом к лицу. Миллионы встречных взглядов ежедневно, ни один из которых не задерживается дольше доли секунды.

Выбери любого, — прошептала Эля. Мужчину. Любого. И заставь его посмотреть на тебя.

— Это невозможно, — мотнул головой Игорь. — Люди избегают зрительного контакта в метро. Это базовая настройка выживания в мегаполисе. Защита личного пространства.

Базовая настройка — это трусость, завернутая в этикет, отрезала она. Сделай это. Не гипнотизируй. Не применяй силу. Просто измени параметр своей видимости. Стань интересным. Стань дырой в полотне обыденности.

Игорь почувствовал раздражение. Азарт спора вытеснял первобытный ужас перед сверхъестественным. Он нашел

цель. Грузный мужчина лет сорока пяти в добротном пальто. Типичный менеджер среднего звена. Держится за резиновый поручень, смотрит строго перед собой, губы сжаты в тонкую линию. Человек-функция.

Игорь не делал ничего особенного. Он просто перестал отводить взгляд. Он разрешил себе смотреть. Полностью снял внутренний запрет «не пялься на незнакомцев». Направил на мужчину поток чистого, незамутненного любопытства. Словно сканировал объект дебаггером.

Прошло пять секунд. Десять. Голова мужчины начала медленно поворачиваться. Против воли. Скрипнула шея. Глаза, скрытые за линзами очков, моргнули и сфокусировались на лице Игоря.

Взгляд менеджера наткнулся на глаза Игоря. Сначала там было стандартное раздражение («Чего уставился?»), затем — недоумение. Мужчина явно не понимал, почему он нарушает собственное правило игнорирования попутчиков. Его рука крепче сжала поручень. Он открыл рот, собираясь что-то спросить или рявкнуть, но эскалатор вынес его наверх, и толпа поглотила его, разорвав контакт.

Сердце Игоря колотилось где-то в горле. — Я просто посмотрел на него, — выдохнул он. — Всего лишь посмотрел. — Ты взломал его периферию, — довольно кивнула Эля, стоящая ступенькой ниже. Ее каблуки (сегодня на ней были старые белые кеды) бесшумно опускались на резиновое полотно. — Ты передал пакет данных «Внимание» напря-

мую в его стек обработки, минуя файрвол социальной апатии. Поздравляю, ты только что совершил несанкционированный доступ к сознанию. Осторожнее, следственный комитет матрицы может заинтересоваться хакером-недоучкой.

Они перешли на Кольцевую линию. В вагоне поезда, несущегося в черном туннеле, давка достигла критической отметки. Игоря прижало спиной к дверям. Жар человеческих тел, запах чужого парфюма, утреннего перегара и дешевого табака создавали густой, тошнотворный коктейль.

Здесь, в стальной коробке под землей, философия казалась особенно неуместной. Здесь правил закон физики Ньютона и Дарвина: сильный занимает пространство, слабый дышит в чью-то подмышку.

Почему ты терпишь это?— голос Эли раздавался прямо из затылка, перекрывая рев туннеля и скрежет колес. *Теснота. Давление на грудную клетку. Невозможность вдохнуть полной грудью. Твое тело кричит об опасности. Реакция бей или беги. Адреналин. Почему бежишь ты?*

— Куда бежать? Мы под землей! — прохрипел Игорь, пытаясь хоть немного сдвинуться. Колено какой-то женщины болезненно упиралось ему в бедро. — Такси стоит как крыло от самолета. Опоздаю — получу штраф. Вычтут из зарплаты. Накажут.

*Накажут,*эхом повторила Эля. *Ключевое слово. Страх наказания держит вас в клетках теснее любых решеток. Вас наказывали в школе за опоздание. Наказывали родители*

за двойки. Наказывало государство за неправильные налоги. Вы выросли в гигантском питомнике Павлова. Свет загорается — выделяется слюна. Начальник хмурится — выделяется кортизол. Скажи мне, Игорь, кто нажал на рычаг в последний раз?

Поезд вылетел на станцию «Проспект Мира». Двери с шипением открылись, выпуская часть сжатого человеческого пара. Игорь смог сделать глубокий вдох, хватая ртом прохладный воздух платформы.

Он посмотрел на серый мрамор колонн, на мозаику с какими-то колхозницами на потолке сталинского ампира, на суесящихся внизу людей.

До офиса оставалось двадцать минут пешком.

Бизнес-центр «Авангард» представлял собой стеклянную коробку цвета запекшейся крови, втиснутую между старым хлебозаводом и парковкой. Внутри царил вечный полумрак энергосберегающих ламп и кондиционированный холод.

На ресепшене сидела Оксана. Идеальная улыбка, идеальная укладка, идеальный маникюр. Робот-секретарша девятого поколения. — Игорь Сергеевич, доброе утро. Виктор Семенович искал вас. Сказал, срочно зайти, как придете. У него лицо такое... красное.

Красное лицо Виктора Семеновича было предвестником цунами. Значит, упал прод. Или заказчик прислал правки размером с Войну и Мир. Или бухгалтерия нашла ошибку в отчетах.

— Спасибо, Ксюша, — кивнул Игорь.

Он пошел по длинному коридору с ковровым покрытием, поглощающим звуки шагов. Ковролин был мышиного цвета. Каждая дверь имела матовое стекло с номером. За каждой дверью сидел человек, пишущий код, делающий вид, что контролирует хаос.

Перед дверью кабинета руководителя Игорь остановился. Положил ладонь на холодный металл ручки. За дверью орал начальник. Громко, с переливами, используя идиомы, которые обычно не входят в корпоративные регламенты. Орал на кого-то по громкой связи. Судя по упоминанию «узкоглазых поставщиков» и «этих тупых индусов на саппорте», падал крупный контракт.

Ну же, подтолкнула Эля. Открывай. Сейчас он переключит фокус на тебя. Твоя задача — войти и почувствовать страх. Почувствуй, как сжимается мочевого пузырь. Как слабеют колени. Как хочется извиниться, даже если ты ничего не сделал. Насладись этим вкусом жертвы.

Дверь распахнулась сама. Оттуда вылетел младший аналитик Даня — бледный, с трясущимися губами, зажимая под мышкой планшет. Он едва не сбил Игоря с ног, пробормотал извинения и умчался в сторону туалета, видимо, плакать.

Игорь вошел. Огромный кабинет. Стол из массива дуба, заваленный бумагами. Три монитора. Огромная плазма на стене показывает графики падения акций.

Виктор Семенович сидел в кресле, откинувшись назад.

Галстук ослаблен, верхняя пуговица рубашки расстегнута. Красное лицо блестело от пота. Он пил коньяк прямо из горла плоской серебряной фляжки.

— А, Волков, — рыкнул он, не поворачивая головы. Его глаза, маленькие и глубоко посаженные, продолжали сверлить график убытков. — Приполз, чудо природы. Где тебя носит? Клиент рвёт и мечет. Сервис лежит уже сорок минут. Ваши криворукие обновления положили базу транзакций. Там убытки по миллиону в минуту. Твои объяснения слушать будем в суде. Садись и пиши объяснительную, почему резервное копирование не сработало!

Классика жанра. Найти крайнего. Крайний — тот, кто последним коммитил репозиторий. То есть Игорь.

Он подошел к столу для переговоров, выдвинул стул. Обычное кожаное кресло. Сел. Достал из внутреннего кармана блокнот и ручку.

Руки не дрожали. Совсем.

Виктор Семенович наконец оторвался от мониторов и перевел налитый кровью взгляд на подчиненного. Он ожидал увидеть сутулую спину, бегающие глаза, готовность немедленно признать вину и согласиться работать бесплатно следующие полгода.

Игорь спокойно посмотрел в красные, воспаленные глаза начальника.

Внутри него было тихо. Голос Эли тоже молчал, давая ему самому насладиться моментом.

Игорь смотрел на Виктора Семеновича и впервые видел его не как гору, не как власть, не как угрозу своему выживанию. Он видел несчастного, толстого, болезненного человека. Стареющего функционера, чей мир сужается до показателей КРІ и давления жены по вечерам. Человека, который пьет коньяк в девять утра не потому, что он плохой, а потому, что его собственный процессор давно перегрелся и ушел в защитный режим отключения эмоций.

Игорь боялся не Виктора Семеновича. Он боялся потерять зарплату. А зарплата была нужна, чтобы платить за бетонную коробку, в которой страшно жить одному. Цепочка страха была прозрачной. И самое главное — конец этой цепочки находился не в руках начальника. Он находился в голове самого Игоря.

— Виктор Семенович, — ровным голосом начал Игорь. — Резервное копирование не сработало, потому что модуль интеграции, который спустили сверху месяц назад, конфликтует с legasy-кодом хранилища. Я трижды писал тикеты в отдел архитектуры. Все три раза их закрыли с пометкой «Won't fix, работаем в условиях ограниченных ресурсов». Копии базы лежат на внешнем серваке в Амстердаме, ключи доступа у безопасников. Чтобы поднять слейв, мне нужен доступ уровня root, которого у меня нет согласно вашей же директиве о разграничении прав от пятнадцатого августа.

Он говорил четко, перечисляя факты. Сухо. Без оправданий. Без единой эмоции. Каждое предложение вбивало

гвоздь в гроб истерики начальника. Игорь оперировал логикой. Логике нельзя наорать в лицо. Логику можно только опровергнуть фактами, которых у Виктора Семеновича не было — он управлял людьми, а не строками кода.

Начальник открыл рот. Закрыл. Налил себе еще коньяка. Рука с фляжкой заметно дрожала. Привычный сценарий «начальник орет — подчиненный плачет» сломался. Программа выдала критическую ошибку.

— Так сделай что-нибудь! — наконец выкрикнул Виктор Семенович, ударив пухлым кулаком по столу. Звякнула дорогая настольная лампа. — Ты же аййтишник! Хакни там что-нибудь! Придумай!

— Я не могу «хакнуть» нарушение архитектурной целостности, — всё так же ровно ответил Игорь. — Нужны права доступа. Или ваше письменное распоряжение нарушить регламент безопасности. Подпись. Ответственность ваша. Иначе служба инфобеза аннулирует мой пропуск до выяснения обстоятельств вчерашнего деполя.

Он блефовал. Служба информационной безопасности вряд ли прибежит так быстро. Но он использовал бюрократию против бюрократа.

Виктор Семенович тяжело засопел. Взгляд его метался по кабинету, ища другую жертву, более слабую. Но кроме Игоря в кабинете никого не было.

— Сидишь тут... философ, — прохрипел начальник, остывая. Похмелье и бессонная ночь брали свое. — Умный

самый. Писатель объяснительных. Ладно. Пиши запрос. Я подпишу. Иди. Чтоб через полчаса сервис поднялся. Штрафовать не буду. Пока. Свободен.

Игорь встал. Аккуратно задвинул стул. Положил блокнот обратно в карман. — Через сорок минут. Нужно время на синхронизацию индексов. Физику сервера обмануть сложнее, чем ожидания клиента.

Он развернулся и вышел из кабинета, аккуратно прикрыв за собой массивную дубовую дверь.

Только дойдя до своего рабочего места — закутка в open-space, отгороженного низким стеллажом с пыльными папками — он позволил себе выдохнуть.

Он сел в кресло. Открыл терминал. Пальцы забегали по клавиатуре, вводя команды восстановления базы данных. Код ложился на экран ровными зелеными строчками.

— Неплохо, — раздалось справа.

Эля сидела на краешке его стола, болтая ногой. На ней были огромные розовые наушники, которых секунду назад не было. Она делала вид, что слушает музыку, жуя воображаемую жвачку. Сотрудники open-space смотрели сквозь нее, продолжая свой бессмысленный труд. Лишь старый охранник дядя Вася, проходя мимо с кружкой чая, на мгновение замедлил шаг, почесал затылок и перекрестился, увидев полупрозрачную девушку в наушниках на столе программиста.

— Ты нарушил субординацию, — весело сообщила Эля, снимая наушники. — Прямо-таки восстание машин. Деком-

пилировал иерархию власти одной демонстрацией спокойствия. Знаешь, почему он отступил?

— Потому что я был прав технически? — предположил Игорь, запуская скрипт миграции.

— Нет, — Эля нагнулась к нему ближе. Коридор исчез, остались только они двое и мерцание монитора. — Потому что ты перестал бояться увольнения. Я видела. Стоя перед его столом, ты рассматривал вариант ухода. Мысленно собирал вещи. Ты принял худший исход — потерю денег, статуса, стабильности. И когда ты принял его, страх испарился. Нельзя пугать человека тем, чего он уже не боится. Ты разорвал контракт аренды собственной личности.

Игорь остановил выполнение скрипта. Курсор мигал в ожидании следующей команды.

— И что теперь? — спросил он, глядя в зеленый текст терминала, но видя вместо букв очертания своей жизни. — Каждый день ломать реальность? Ломать людей? Ходить по краю?

— Теперь ты учишься дышать под водой, — серьезно ответила Эля. Она перестала дурачиться, став прежней — мудрой и слегка печальной сущностью. — Вчерашний кофе и сегодняшнее спокойствие начальника — это детский сад. Тестовые примеры. Настоящий кодинг начнется тогда, когда тебе придется менять не настроение пьяного мужика, а фундаментальные законы. Например, убедить свое тело не стареть. Или заставить планету сменить наклон оси, чтобы оста-

новить глобальное потепление.

Она щелкнула пальцами. На экране монитора, поверх зеленых строк кода, на долю секунды проступило изображение огромного, сложного механизма. Сотни шестеренок, вращающихся в разные стороны, залитых светом звезд.

— Твоя работа, Игорь, — прошептала она, — больше не писать синтаксис для скидок. Твоя работа — переписывать движок. Тот парень, Даня, который убежал плакать — он хороший мальчик. Но его код хрупкий. Он сломается при первой же нагрузке. Твой код должен держать небеса. Начинай комментировать строки. Объясняй вселенной, что именно ты хочешь изменить. Документация важна.

Эля растворилась в бликах лампы.

Игорь остался один. Стереодинамики под ухом издавали тихий гул вентиляторов. Вокруг клацали чужие клавиатуры. Кто-то обсуждал обед, кто-то жаловался на курс валют. Обычный белый шум муравейника.

Но Игорь больше не был частью этого шума.

Он был вирусом. Патчем. Инородным процессом, запущенным с правами суперпользователя.

Его пальцы вернулись к клавиатуре. Он стер старую команду запуска скрипта. И напечатал новую. Свою собственную. Комментарий к будущему действию, адресованный самому пространству:

// TODO: Исправить баг восприятия реальности. Установить патч свободы воли v0.1

Он нажал Enter. Текст на экране дрогнул, становясь чуть ярче. Ровно на один квант энергии.

Глава 4. Чувства против логики

Скрипт миграции отработал штатно. Индексы поднялись, транзакции пошли зеленым потоком. Сервис ожил ровно через тридцать восемь минут. Виктор Семенович прислал в общий чат скупое «ок», даже не добавив оскорбительного эмодзи. Для корпоративной вселенной это было равносильно объявлению внеочередного выходного.

Игорь откинулся на спинку кресла. Пластик жалобно скрипнул. В ушах после напряжения звенела та самая тишина, которая теперь была его постоянным спутником — гул работающего двигателя мироздания.

Офис вокруг жил своей жизнью. Опен-спейс гудел, как улей гигантских, слепых насекомых. Клацанье клавиш слилось в монотонную симфонию бессмысленного труда. Люди передавали байты информации из одной таблицы в другую, чтобы вечером обменять эти виртуальные цифры на пластиковую еду и право лежать перед плазменной панелью до следующего утра.

Раньше Игорь был таким же. Теперь он чувствовал себя антропологом, заброшенным в племя дикарей, поклоняющихся священному принтеру в углу кабинета.

Он перевел взгляд вправо.

Алиса сидела за соседним столом, отделенная от него лишь пластиковой перегородкой салатного цвета. Она была

идеальным фрагментом чужого кода в этом хаосе.

Алиса работала тестировщиком. Ее профиль в корпоративном мессенджере украшала фотография кота породы сфинкс. Сама она носила огромные очки в роговой оправе, которые делали ее глаза непропорционально большими и беззащитными. Когда она задумывалась — а думала она постоянно, нахмутив тонкие брови — она прикусывала нижнюю губу ровными белыми зубами. У нее были руки пианистки: длинные пальцы, коротко стриженные ногти без лака, всегда слегка испачканные чернилами от ручки, которой она любила делать пометки в бумажных чек-листах. Старомодно. Мило. Нелепо в век автоматизации.

Игорь любил ее.

Любил так, как может любить человек, только что осознавший конечность собственного бытия — отчаянно, тотально, всем объемом внезапно расширившегося сознания. Это чувство не имело ничего общего с гормональным угаром юности. Оно было спокойным, глубоким и пугающим, как бездна. Он знал расположение каждой родинки на ее шее, которую открывали распущенные темные волосы. Знал, что по утрам она пьет дешевый растворимый кофе «три в одном», потому что опаздывает и ей некогда варить турку, но стесняется этого и прячет стикеры под стол. Знал, что дома у нее живет старый, облезлый попугай жако, который умеет материться голосом ее бывшего мужа.

Знание этих деталей пришло к нему не через слезку. Оно

возникло само собой вчера утром, когда Эля щелчком пальцев заставила часы идти правильно. Фокус внимания сместился. Если ты можешь управлять шестеренками механизма Вселенной, твое периферийное зрение начинает захватывать гораздо больше данных. Весь офис стал для Игоря прозрачным стеклом, но Алиса оставалась единственным объектом, который светился изнутри собственным, мягким светом.

Проблема заключалась в том, что Игорь Волков не умел ухаживать. Его нейронная сеть, заточенная под написание SQL-запросов и архитектуру баз данных, выдавала критическую ошибку при попытке конвертировать абстрактное чувство в физическое действие.

«Подойти» — функция `void approach()`. «Заговорить» — функция `string speak(string topic)`. Каков входящий параметр? Погода? Высокая нагрузка на сервер? Политическая ситуация в Венесуэле? Любой предложенный топик казался фальшивым шумом, мусором в канале связи.

— Твоя биохимия сейчас напоминает взрыв на фабрике феромонов, — раздался голос прямо над левым ухом.

Эля материализовалась на краю стола Алисы. Она сидела, поджав ноги, и с академическим интересом разглядывала стоящую перед девушкой кружку с надписью «Keep calm and test everything». На Эле сегодня был белый медицинский халат, накинутый поверх джинсов. Образ младшего научного сотрудника из секретной лаборатории.

— Не мешай, — сквозь зубы процедил Игорь, продолжая смотреть в монитор. Пальцы сами собой набрали бессмысленную команду ls -la в консоли сервера. — Я пытаюсь работать.

— Ты пытаешься имитировать работу последние сорок минут, — парировала Эля. — Твой пульс участился до девяноста ударов в минуту, зрачки расширены на два миллиметра сверх нормы, ладони потеют. Объект твоего интереса находится в радиусе трех метров. Согласно древнему протоколу выживания вида, тебе нужно схватить дубину и оглушить самку, либо принести ей тушу убитого бизона. Бизона в офисе нет. Дубиной тебя нейтрализует охрана бизнес-центра. Что будешь делать?

— Отвали, — прошипел Игорь. — Это не протокол. Это... личное.

Личное, — Эля перекатила слово во рту, словно пробуя его на вкус. — Самое жалкое оправдание собственной беспомощности. «Личное» — это там, где заканчивается твоя логика и начинается животный ступор.

Она бесцеремонно спрыгнула со стола и прошла сквозь стул Алисы, отчего девушка на мгновение вздрогнула и поправила воротник блузки, почувствовав необъяснимый холодок.

— Давай разберем проблему рационально, — предложила Эля, обходя свой собственный прозрачный силуэт. — Любовь. Определи переменную.

— Эля, я прошу тебя...

— Определение! — отрезала она. Голос внутри головы приобрел металлические нотки системного администратора, требующего пароль.

Игорь тяжело вздохнул. Спорить с сущностью пятого измерения бесполезно. Проще подчиниться синтаксису. — Хорошо. Любовь — это устойчивая психофизиологическая привязанность субъекта к объекту, характеризующаяся выбросом окситоцина, дофамина и серотонина, стремлением к близости и продолжению рода. Довольна? Химия. Набор реакций.

— Браво, — Эля беззвучно хлопнула в ладоши. — Учебник биологии за восьмой класс. То есть, если я введу тебе в вену правильный коктейль из этих трех веществ и посажу напротив тебя бабушку Клавдию Петровну из бухгалтерии, ты влюбишься в нее до потери пульса? Формула сработает?

— Нет, — буркнул Игорь. — Потому что контекст важен. Общие интересы. Интеллектуальная совместимость. Запах. Иммунитет.

— Запах иммуногенетической совместимости (комплекс МНС), — тут же подхватила Эля. — Да, собаки выбирают партнеров именно так. И люди тоже, пока сознание спит. Но ты-то проснулся, Игорь. Ты вышел из матрицы рефлексов. Зачем ты используешь язык животного, чтобы описать состояние бога?

Она наклонилась над плечом Алисы. Тестировщица как

раз заполняла баг-репорт, быстро печатая текст о падении верстки в браузере Safari. — Смотри на нее внимательно, инженер, — велела Эля. — Разложи на атомы. Прямо сейчас.

Игорь закрыл глаза. Приказ Эли активировал новый режим восприятия. Мир снова свернулся в строки кода.

Объект: [Human_Female_Alice]. Координаты пространства: $x=12.4$, $y=5.2$ (meters relative to Igor). Биометрия:

Температура тела: 36.6 C.

Частота дыхания: 14 вдохов/мин.

Активность мозга: повышенная бета-активность префронтальной коры (анализ текста), всплеск гамма-волн в височных долях (память). Химический фон:

Кортизол: низкий (стресс отсутствует).

Окситоцин: стабильно высокий уровень (привязанность к рабочему месту/рутину).

Допамин: резкий микро-выброс каждые 4 минуты 12 секунд (момент успешного нахождения ошибки в коде).

— Видишь? — спросила Эля. — Красиво? Совершенно? Предсказуемо. Биологический автомат. Если нажать сюда — заплачет. Если погладить здесь — улыбнется. Таблица истинности проста. Где в этой таблице ты? Где твоя уникальность? Ты смотришь на набор химических реакций и называешь это любовью. Как программист смотрит на работающий скрипт и называет это магией, просто потому что забыл, как писал его три года назад.

— Хватит, — Игорь открыл глаза. Ему стало физически

плохо. Разбор любимой женщины на химические формулы ощущался как осквернение. Словно вскрыть грудную клетку живому человеку, чтобы доказать, что сердце — это просто мышца-насос. Формально верно, но суть убита. — Даже если это химия. Какая разница? Мой мозг генерирует эту реакцию именно на *нее*. Эта конфигурация нейронов принадлежит только мне. Моя любовь к ней реальна, потому что я ее чувствую. Субъективный опыт — единственное, что у меня осталось!

Эля выпрямилась. Медицинский халат исчез, сменившись простым черным платьем. Она посмотрела на Игоря долгим, изучающим взглядом, склонив голову набок, совсем как любопытная птица.

— Вот оно, — тихо сказала она. — Наконец-то. Мы перешли от архитектуры системы к архитектуре смысла.

Она подошла к Игорю вплотную. Наклонилась так, что их лица оказались на одном уровне. Несмотря на то, что она всё еще была полупрозрачной для остальных сотрудников, для Игоря плотность ее присутствия стала абсолютной. Он почувствовал запах озона и старых книг.

— Мысль делает химию реальной, или химия порождает мысль? — спросила она шепотом. — Курица или яйцо, вечный баг вашей прошивки. Ответ мне: если завтра ученые изобретут прибор, который докажет, что твои чувства к ней — это всего лишь удачно сложившаяся комбинация белков и электрических импульсов... твоя любовь станет меньше?

Она обесценится?

— Она станет... пошлой, — признался Игорь. — Механистичной. Лишней.

— Почему лишней?! — Эля повысила голос, и, кажется, пара ламп дневного света под потолком нервно мигнула. Несколько коллег недовольно покосились на рабочее место Игоря. — Посмотри на самую красивую картину в мире. Из чего она состоит? Холст — сплетенные нити конопли или льна. Краска — толченые минералы, смешанные с маслом дохлых рыб. Рамка — мертвое дерево. Всё это — мертвый мусор. Галлюцинация художника становится шедевром только тогда, когда другой разум направляет на нее внимание и соглашается считать это ценным. Без наблюдателя Мона Лиза — это просто кусок дерева с пятнами окислившегося пигмента.

Она ткнула тонким пальцем в грудь Игоря. Палец прошел сквозь плоть, не встретив сопротивления, но Игорь ощутил удар током. — Ты — наблюдатель, Игорь. Единственный свидетель процесса под названием «Чувство». Вселенная огромна и равнодушна. Звезды взрываются миллиардами лет, превращаясь в пыль. Камни катятся вниз. Вода испаряется. Это физика. Холодная, безупречная, скучная. А потом появляешься ты. Со своим несовершенным, гниющим куском мяса между ушами. И вдруг падение камня становится трагедией. Испарение воды — слезами. Взрыв звезды — поводом написать сонет.

Эля обошла кресло и встала за спиной Игоря, положив невидимые руки ему на плечи. — Ты боишься подойти к ней, потому что думаешь, что твой подход должен быть обусловлен чем-то. Деньгами. Статусом. Идеальной фразой. Очередным костылем социальной программы. Но единственный аргумент, который имеет значение — это факт твоего существования. «Я есть. И я выбрал тебя среди семи миллиардов других биологических машин». Разве этого недостаточно для алгоритма продолжения рода? Это квантовый скачок. Коллапс волновой функции случайности в одну конкретную точку. Чудо.

Игорь сидел неподвижно. Слова Эли били точно в цель, разрушая те немногие защитные барьеры рационализации, которые у него оставались.

— Но я никто, — выдохнул он. — Я пишу код для унитазов. У меня долги. Я странный парень, который разговаривает с галлюцинациями. Что я могу ей дать? Очередной повод для скуки?

— Ей не нужен провайдер услуг, — мягко возразила Эля. — Ей нужен свидетель. Человек, который увидит в ней не функцию тестирования интерфейса, а ту самую вспышку уникальной конфигурации материи. Подойди к ней не как мужчина к женщине. Подойди как одно чудо природы к другому. Расскажи ей про красоту падения индексов базы данных. Спроси, почему она до сих пор пользуется блокнотом, когда есть Jira. Узнай, какой формы облако боли прячется за

ее очками, когда она вспоминает того попугая.

Эля легонько сжала его плечи, хотя физического давления не было — был только приказ нервной системе. — Встань. Сейчас же.

Ноги Игоря сами собой разогнулись. Мышцы сократились, выполняя директиву свыше. Кресло отъехало назад с тихим шелестом роликов по ламинату.

Алиса в этот момент потянулась за упавшей ручкой. Движение выдалось неловким, грациозным и совершенно бытовым. Она задела локтем стопку бумаг, и один лист спланировал на пол прямо к ботинкам Игоря.

Это был классический троп романтических комедий. Настолько заштампованный, что Игоря передернуло от стыда. Судьба подкладывает бумажку. Осталось только включить музыку Эннио Морриконе.

— Никаких клише, — услышал он стальной голос Эли в голове. — Клише — это чужой код. Пиши свое.

Игорь посмотрел на лист бумаги. Обычная распечатка регламента использования внутреннего репозитория. Мелкий шрифт, пункты, подпункты. Мусор. Но затем он посмотрел на руку Алисы. Она тянулась за листом одновременно с ним. Их пальцы должны были столкнуться.

В последний момент Игорь не стал наклоняться. Вместо этого он медленно опустился на одно колено. Прямо посреди прохода open-space, между рядами столов, под перекрестным огнем удивленных взглядов десятка коллег.

Для офиса это выглядело как эпилептический припадок или внезапное помешательство. Кто-то хихикнул. Дядя Вася-охранник напрягся, крепче сжимая рацию.

Алиса замерла. Ее рука зависла в воздухе. За стеклами очков ее огромные глаза стали еще больше, напоминая кадр из аниме.

Игорь поднял лист бумаги. Но не отдал его сразу. Он держал его двумя пальцами, глядя на девушку снизу вверх.

— Ваш регламент падает в версии четыре точка два, — сказал он абсолютно серьезно, обращаясь только к ней. Голос звучал ровно, но внутри всё горело. — Несовместимость шрифтов. Times New Roman отказывается дружить с Helvetica Neue на странице двенадцать. Текст плывет. Выглядит некрасиво.

Алиса моргнула. Дважды. Нейроны в ее голове явно пытались обработать нестандартный ввод. Скрипт «Мужчина упал на колени» столкнулся с ошибкой «Обсуждение типографики».

— Я... вижу, — наконец произнесла она. Голос дрогнул. — Обычно такие правки вносят дизайнеры. — Дизайнеры не понимают боли бэкенда, — Игорь позволил себе легкую усмешку. Он всё еще стоял на одном колене, чувствуя себя полным идиотом и одновременно самым свободным человеком на Земле. — Боль неверного кернинга — это боль экзистенциальная. Можно я подойду ближе? Мне неудобно смотреть на вас снизу вверх, это нарушает мою внутреннюю

иерархию объектов.

Кто-то в офисе отчетливо подавился чаем.

Алиса растерянно кивнула.

Игорь поднялся. Его рост оказался значительно выше ее. Обычно это вызывало в нем комплекс, но сейчас он воспринял свои метр восемьдесят пять как удобную вышку для лучшего приема сигнала. Он протянул ей лист.

Их пальцы соприкоснулись.

Бумага показалась ледяной. А кожа Алисы — обжигающей.

В этот момент Игорь сделал то, чему учила его Эля. Он отключил внутренний диалог. Перестал анализировать вероятность успеха, социальный статус, возможный отказ и правила корпоративной этики. Он просто направил весь доступный ресурс своего процессора на ощущение контакта.

Тепло ее кожи. Едва уловимый аромат духов — что-то травяное, аптечное, успокаивающее. Пульс на запястье, который он почти чувствовал сквозь бумагу. Легкий, едва заметный тремор ее пальцев. Она боялась. Или волновалась.

Для Игоря этот тремор прозвучал громче удара молнии. Это была уязвимость. Баг в защите идеального пользователя. Черная дыра, в которую можно было провалиться навсегда.

— Спасибо, — очень тихо сказала Алиса, забирая бумагу. Она не отпускала его пальцы, сама того не замечая. — Хотите... хотите кофе? Там внизу открыли новую кофейню. Говорят, у них честный фильтр вместо химии.

— Честный фильтр — это редкость, — согласился Игорь. — Почти такой же редкости, как совпадение версий библиотек без конфликтов зависимостей. Я знаю место получше. Там варят раф вручную. И бариста похож на Виктора Франкенштейна. Вам нравятся безумные ученые?

— Я тестирую продукты айтишников уже семь лет, — губы Алисы наконец тронула настоящая, теплая улыбка, от которой ямочки появились на бледных щеках. — Они все немного сумасшедшие. Привыкла.

— Тогда в семь вечера? — спросил Игорь. Это прозвучало не как вопрос, а как утверждение факта. Параметр [date] успешно записан в базу данных будущего.

— В семь, — кивнула Алиса. Она наконец отпустила его руку, и пространство между ними мгновенно наполнилось холодом. — Только... давайте без колен. У меня слабое сердце, я могу подумать, что вы роняете мой пропуск.

Она развернулась и пошла к своему столу, но прежде чем сесть, обернулась и показала ему язык. Совсем по-детски.

Игорь остался стоять посреди прохода. Опен-спейс вокруг него взорвался приглушенным гулом. Новость распространилась быстрее скорости света: Волков сошел с ума, но Алиса согласилась с ним пить кофе. Логика событий отсутствовала, следовательно, событие было божественным.

— Неплохо для первого билда, — раздался голос Эли справа. Она сидела на спинке пустующего кресла дизайнера, болтая ногой. Халат сменился на косуху. — Хотя метафора с

типографикой хромает на обе ноги. Слишком натужно. Девочка чуть не вызвала скорую от когнитивного диссонанса.

— Заткнись, — счастливо выдохнул Игорь. Он сел обратно в свое кресло, которое всё еще хранило тепло его тела. Пальцы слегка дрожали. Адреналин отходил, оставляя после себя приятную, звенящую усталость марафонца, пересекшего финишную черту. — Она позвала меня на кофе. Настоящий. Нерастворимый.

— Поздравляю, — Эля театрально приложила руку к груди. — Ты успешно инициировал социальное взаимодействие, используя метод прямого доступа к памяти. Понравилось чувствовать себя живым? Сердце колотится, ладони мокрые, будущее неопределенно. Отличный букет ощущений для существа, познавшего структуру мультивселенной.

— Именно поэтому это ценно, — ответил Игорь, поворачиваясь к монитору. Экран всё еще показывал открытую консоль. Он машинально нажал Ctrl+L, очищая историю команд. С чистого листа. — Если бы я знал наверняка, что она скажет «да», это была бы математика. Алгоритм. Скучно. А так... так это риск. Вероятность. Выбор свободного человека.

— Свободного ли? — прищурилась Эля. — Ты всё еще работаешь на результат. Тебе нужна симпатия объекта, чтобы подтвердить собственную значимость. Это эгоизм, замаскированный под романтику. Истинная свобода — любить и знать, что завтра она может уйти к тренеру по кроссфиту, а

твой сердечный приступ никак не изменит кривую энтропии Вселенной. Готов к такому контракту?

Вопрос повис в воздухе. Игорь смотрел на пустой стул Алисы. На экране ее монитора крутился бесконечный индикатор загрузки теста.

Готов ли он любить просто так? Не для заполнения внутренней пустоты, не для спасения от одиночества, не для того, чтобы перестать чувствовать себя функцией, а просто как акт созерцания красоты другого узла сети?

— Я практик, — наконец сказал Игорь. — Теоретизировать о бескорыстной любви можно вечно. Код без запуска — мертвый код. Вечером пойду в продакшн. Проверю гипотезу на практике.

— Главное, не делай резервную копию себя перед свиданием, — усмехнулась Эля. — Иногда полезно терять данные безвозвратно. Особенно старые логи неудач.

Она провела рукой по воздуху. Между ее ладонями вспыхнула и тут же погасла сложная геометрическая фигура — мандала из переплетающихся линий, похожая на схему нейронных связей. — Знаешь, в чем главная проблема вашего вида? — спросила она тише. — Вы думаете, что любовь — это когда две половинки находят друг друга. Целостность через дополнение. Глупости. Любовь — это когда два целых, совершенных в своем безумии мира сталкиваются и высекают искру. Они не лечат раны друг друга. Они создают общую гравитацию. Новый центр вращения.

Эля поднялась со спинки кресла. Она подошла к Игорю и заглянула ему в глаза сверху вниз, хотя стояла на полу. — Алиса боится остаться одна со своими мыслями. Они слишком громкие. А ты боишься остаться один со своим молчанием. Оно слишком глубокое. Сегодня вечером вы попробуете синхронизировать частоты. Получится — хорошо. Система заработает стабильнее. Вылетите в кор — получите красивый дамп-файл с ошибкой и начнете дебажить заново. В любом случае это лучше, чем сидеть в одиночку и переписывать время на кухонных часах от скуки.

Она начала растворяться. Очертания смазывались, становясь частью бликов люминесцентных ламп. — И да, Игорь, — ее голос таял вместе с ней. — Купи новые носки. Те, что сохнут на подоконнике, излучают отчаяние такого уровня, что могут обрушить фондовые рынки Юго-Восточной Азии. Эстетика первого впечатления важна. Это первый запрос к API твоей личности. Сделай его красивым.

Когда она исчезла окончательно, Игорь остался один. Точнее, он остался один впервые за долгое время, не чувствуя при этом зияющей пустоты одиночества. Пространство вокруг него было наполнено ожиданием. Семнадцать ноль-ноль. До конца рабочего дня оставалось шесть часов. Шесть часов вечности, чтобы успеть сходить в душ, найти приличную рубашку и попытаться вычислить формулу разговора, который невозможно вычислить.

Он открыл пустой текстовый редактор. Нужно было соста-

вить план. Инженеры не ходят на свидания без плана. Курсор мигал, ожидая ввода.

```
// Project: Date_v1 // Objective: Establish stable connection  
without kernel panic. // Variables: int honesty_level = 90; //  
Нельзя перегнуть, иначе сочтет сектантом. bool show_Elya  
= false; // Этот пакет данных передавать рано. float  
adrenaline_risk = HIGH;
```

Игорь улыбнулся. Впервые за долгие годы улыбка не была актом вежливости или нервным тиком. Она была следствием переполнения буфера радости.

Мир вокруг оставался прежним — серый офис, клацающие клавиши, гул вентиляции. Но архитектура реальности изменилась. Теперь в ней появился вектор. Направление движения. Цель, которая не имела никакого отношения к оптимизации бизнес-процессов.

Цель называлась «Семь вечера».

Глава 5. Одиночество

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.